

**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(Н И У « Б е л Г У »)**

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ
В ДЕТСКОЙ РЕЧИ**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование,
профиль Русский язык и литература
заочной формы обучения, группы 02031351
Лесуновой Елены Александровны

Научный руководитель:
д.ф.н., профессор
Плотникова Л.И.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. СОЗДАНИЕ НОВОГО СЛОВА В ПРОЦЕССЕ ДЕТСКОГО СЛОВОТВОРЧЕСТВА.....	8
1.1. Лексические новообразования в русском языке.....	8
1.2. Типология причин детского словотворчества.....	14
1.3. Специфика детского словотворчества.....	18
ГЛАВА II. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ НОВООБРАЗОВАНИЙ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ.....	30
2.1. Лексические новообразования – имена существительные.....	30
2.2. Лексические новообразования – глаголы.....	46
2.3. Лексические новообразования имена – прилагательные	53
2.4. Лексические новообразования – наречия	58
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	61
ЛИТЕРАТУРА.....	65
СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ.....	69

ВВЕДЕНИЕ

Словарный состав русского языка постоянно обогащается, и происходит это посредством заимствования и образования новых слов. Интенсивность процесса неологизации обусловила появление и развитие новой отрасли лексикологии – неологии. Вопросы неологии заложены в трудах таких известных учёных, как Ф.И. Буслаев, Г.О. Винокур, Л.В. Щерба, В.В. Виноградов и др.

Изучению общих проблем лексических новообразований посвящены многочисленные исследования таких учёных, как А.А. Брагина, Н.Г. Бабенко, Е.В. Говердовская, Н.Г. Гольцова, Е.А. Земская, Л.Ю. Касьянова, В.В. Лопатин, А.Г. Лыков, Р.Ю. Намиткова, Л.И. Плотникова, Л.В. Рацибурская, Е.В. Сенько, И.С. Улуханов, Н.И. Фельдман, Н.М. Шанский, А.Д. Юдина и др.

Об активном исследовании новообразований в детской речи свидетельствуют работы А.Н. Гвоздева, И.Б. Голуб, М.М. Кольцовой, Е.Г. Озеровой, Т.Н. Ушаковой, В.К. Харченко, С.Н. Цейтлин и др. Такое количество исследований не делает слабее интерес к изучению лексических новообразований. Развитие неологии ставит перед исследователями новые задачи, требует новых подходов к осмыслению и системному описанию инновационных явлений. Это послужило основанием для изучения новых слов с помощью описания процесса словотворчества.

К особым проблемам неологии относится проблема новых слов в детской речи. И хотя не было такого момента в истории языкознания, когда данная проблема не была актуальна, вопрос о том, что такое детское словотворчество, до настоящего времени остаётся открытым. Это обуславливает **актуальность** данной работы.

Новообразования в детской речи – материал обширный. При создании единой классификации новообразований задача состоит в установлении

определенной системы, позволяющей классифицировать слова по различным основаниям.

В настоящей работе нами будут использованы синонимические обозначения *новое слово = лексическое новообразование = инновация* для слов, отсутствующих в языковой традиции и созданных в детской речи.

Объектом исследования нашей работы являются лексические новообразования, зафиксированные в детской речи.

Предметом исследования являются структура и значение лексических новообразований, созданных детьми.

Материалом исследования послужили лексические новообразования, отмеченные в «Словаре современного детского языка» В.К. Харченко, в книге М.М. Кольцовой «Детское словотворчество», в изданиях «Дошкольное воспитание», а также зафиксированные нами в речи детей (2017-2019 гг.).

Цель работы состоит в исследовании особенностей процесса создания новых слов в детской речи. В соответствии с этой целью были поставлены следующие **задачи**:

- 1) охарактеризовать основные особенности словотворческой деятельности ребенка;
- 2) систематизировать собранный языковой материал;
- 3) представить типологию новообразований;
- 4) выявить наиболее продуктивные словообразовательные модели, в соответствии с которыми формируются лексические новообразования в детской речи.

В процессе изучения литературы по теме исследования выяснилось, что в настоящее время активно изучаются инновации в детской речи – речевые факты, которые представляют собой нарушение в современном языке действующих литературных норм. Выясняются причины создания детских инноваций, что выявляет сложность взаимоотношений между системой и нормой в современном русском языке.

Специфика детской речи заключается в том, что ребенок не способен

владеть всей системой языка и богатым словарным запасом. Ребенок не может видеть сложную всестороннюю связь всех единиц языковой системы. Многие языковые единицы ему не знакомы и не понятны.

Познавая мир, дети творчески познают язык, его закономерности и составные части. «Ребенок нащупывает отдельные языковые закономерности, но в своей собственной речи не всегда действует правильно, т.е. в соответствии с нормой литературного языка» [Радзиховская 1969: 74].

Отклонения в детской речи очень важны для исследования: они раскрывают закономерности языка, в силу которых возможна та или иная речевая несообразность.

Обращение к детскому построению слова может объяснить многое в самом языке. Оказиональное слово нередко выступает как увеличительное стекло действующих в нормативном, кодифицированном языке процессов. Важным моментом является словообразовательный аспект изучения построения детских инноваций, который может многое уточнить в теории словообразования.

Л.И. Плотникова, исследуя процесс создания новых слов, отмечает, что «новообразование конструируется как мотивировочный знак, впитывающий в себя значение компонентов предшествующей ему конструкции» [Плотникова 1991: 7].

Теорию мотивации в словообразовании разрабатывали такие ученые, как Е.А. Земская, А.Н. Тихонов, П.А. Соболева, Г.О. Винокур, Е.С. Кубрякова, П.А. Соболева, Е.Л. Гинзбург, М.С. Зайченкова. Типы мотивационных отношений в языке описаны в трудах Н.Д. Арутюновой, О.П. Ермаковой, Е.С. Кубряковой, А.Н. Тихонова, И.Г. Милославского, И.С. Улуханова.

Производя анализ мотивационных отношений в словообразовании и описывая их, И.С. Улуханов рассматривает семантику мотивированных слов с синхронной точки зрения, подчеркивая, что носителю языка дан не путь образования слов, а только соотношение мотивированного и

мотивирующего, которое является примером для возникновения новых слов. «Таким образом, объектом синхронного словообразования является и то, «как сделаны слова», и то, «как делаются слова» (Л.В. Щерба), или точнее, как они могут быть сделаны» [Гинзбург 1979:7].

Е.А. Земская выделяет два типа мотивации: основную и периферийную, когда семантика мотивирующего слова составляет периферийную часть семантики мотивированного слова. Далее исследователем выделяется прямая и переносная мотивация, причём переносная подразделяется на два подвида:

- реальная мотивация, при которой образное значение мотивированного переходит от переносного значения мотивирующего, например, *петух* – «задиристый, запальчивый человек, забияка», *петушиться* – «вести себя задиристо, запальчиво, как петух»;

- ассоциативная мотивация, при которой значение мотивированного базируется на устойчивых ассоциациях, свойственных значению мотивирующего, например, *школьник* – *школьничать* – «вести себя шаловливо, как школьник».

Порождение детского нового слова по существу является порождением номинативной единицы. «Использование внутренних ресурсов языка осуществляется в двух достаточно резко различающихся между собою направлениях: либо путем сообщения уже готовой, данной номинативной единице новой семантической функции, либо путем создания формально новой единицы. Статус таких новых единиц может быть определен как имитация языковых (в противоположность речевым) единиц, через понятие условно художественной узуальности» [Способы номинации 1982: 53].

Новые слова в детской речи открывают обширные возможности для изучения семантических закономерностей, которые руководят формированием смысловой структуры слова.

Постоянный рост интереса лингвистов к периферии словообразования обусловлен в какой-то степени проблемой незаполненных пространств

возможной номинации, свидетельствующих об огромном потенциале языка. «Изучая русское словообразование, необходимо уделять внимание не только реализованным единицам, но и выявлять возможности реализации потенциальных единиц. Описывая какую-либо подсистему словообразования, необходимо выявить ее заполненные и пустующие клетки и возможности заполнения последних» [Герасименко 1987: 13].

Овладевая языком, дети не только осваивают готовые единицы и правила их употребления, но и строят новые окказиональные новообразования, механизм построения которых выявляет бесконечные возможности словообразования в русском языке, с одной стороны, и бесконечные возможности семантической интерпретации конкретных ситуаций путем моделирования, с другой.

В данной работе мы будем рассматривать структурно - семантические особенности лексических новообразований в детской речи. Поставленные в работе задачи решаются с помощью следующих **методов**:

- 1) общенаучных методов анализа (анализ и синтез, обобщение и сравнение);
- 2) специальных методов непосредственного наблюдения и количественного подсчёта лексических новообразований;
- 3) дескриптивного метода анализа инноваций с учётом особенностей их структуры и семантики, а также их контекстуального пространства.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы.

В первой главе рассматривается создание нового слова в процессе детского словотворчества.

Во второй главе исследуются структурно-семантические особенности лексических новообразований в детской речи.

В заключении обобщаются итоги проведённого исследования.

Глава I. СОЗДАНИЕ НОВОГО СЛОВА В ПРОЦЕССЕ ДЕТСКОГО СЛОВОТВОРЧЕСТВА

1.1. Лексические новообразования в русском языке

Лексический состав современного русского языка постоянно развивается и обогащается новыми единицами. Для пополнения словарного состава языка используется тот строительный материал, который есть в самом языке. Это – уже готовые слова, различные служебные части (чаще всего префиксы и аффиксы). Новые слова образуются по имеющимся образцам от уже существующих узувальных слов.

Обогащение словарного состава обусловлено развитием культуры, новыми научными открытиями. Процесс пополнения словаря носит динамический характер. Это явление вызывает большой интерес у лингвистов. В определении неологизмов как новых слов на первый план выходят такие понятия, как историчность, относительность понятия новизны. Б.Н. Головин определяет неологизмы как «новые слова, т.е. слова, возникшие на памяти применяющего его поколения» [Головин 1983: 68]. Н.М. Шанский даёт следующее определение неологизмам: «Неологизмы – это слова, которые, появившись в языке в качестве определенных значимых единиц, ещё не вошли в словарный запас языка» [Шанский 1972: 161].

Эти определения вполне применимы в анализе лексикологического и функционально-стилистического плана. Вместе с тем ученые обращают внимание на неопределенность, неточность признаков, на которых основано выделение неологизмов. « Где же та временная граница, – пишет Ю.Я. Бурмистрович – когда ощущение новизны теряется? Сколько нужно времени, чтобы слово слово или фразеологизм перестали быть неологизмами» [Бурмистрович 1972: 83].

Л.В. Сахарный тоже подчеркивает неопределенность термина «новые слова» и ставит вопрос: «новые слова – это те, которые ещё не появились или

те, которые появились, но ещё не вошли в обиход?» [Сахарный 1974: 18]. Изучение специальной литературы по теме данной работы позволяет говорить о том, что в языкознании нет единого термина для определения новых слов. Это связано со сложностью понятия самого определения и с разнообразием подходов к его формулировке. В обширной трактовке к неологизмам относят новые факты языка, различные индивидуально – авторские новообразования, новые фразеологические обороты.

В узком понимании к неологизмам относят лишь новые устойчивые слова, закрепившиеся в языке (от греческих слов *neos* – новый и *logos* – слово). Такое понимание термина представлено, например, в работах В.В. Лопатина.

В толковом словаре С.И. Ожегова неологизм определяется как «новое слово или выражение, а также новое значение старого слова» [Ожегов 1999: 409]. Таким образом, неологизмы в языке возникают либо как названия новых понятий, не имевших до сих пор своего наименования, либо как тенденция назвать единым словом уже известное слово или выражение.

Развернутое определение представлено Н.З. Котеловой, которая под новообразованиями понимает как собственно новые, впервые образованные или заимствованные из других языков слова, так и слова, известные в языке и ранее, но или употреблявшиеся ограниченно, за пределами литературного языка, или вышедшие из активного употребления на какое-то время, а сейчас ставшие широко употребительными [Котелова 1971: 7].

Различное толкование новых слов отразилось и в отсутствии единой классификации новообразований. Так, Л.И. Плотникова пишет: «Среди новообразований русского языка мы выделяем две категории: неологизмы и окказионализмы. Термин «окказионализм» широко используется в лингвистической литературе, но общепризнанного определения окказионального слова нет. Очевидно, это связано с неоднородностью классификационных признаков, положенных в основу определения термина» [Плотникова 2000:9].

Многие исследователи приняли противопоставление неологизмов и окказионализмов как единиц языка и речи. «Окказионализмы – это новые слова, то есть слова, не известные ранее общему литературному языку, точнее – большинству его носителей, для которых каждое такое слово воспринимается как новое, незнакомое, необычное, независимо от того, с какой целью оно создано: чисто номинативной или экспрессивно – стилистической, по какой модели – высоко- или малопродуктивной, непродуктивной или единично воплощенной в слове» [Габинская 1981:29].

Э. Ханпира считает, что «в сознании получателя возникает оппозиция: известное (языковое) – неизвестное (речевое, окказиональное). Это противопоставление имеет эстетический смысл. И, несомненно, экспрессивно» [Ханпира 1972:301].

Для некоторых окказиональных слов новизна может оказаться преходящей, ограниченной какими-то хронологическими рамками; например, Н.М. Шанский удачно называет слова типа *космонавт*, *полимер* «неологизмами на час». Они вошли в язык вместе с широким распространением предметов и явлений, которые данными словами обозначаются. Для других слов новизна может быть постоянной. Характеризуя контекстуальные слова, которые возникают в художественной литературе и публицистике, Н.М. Шанский отмечает: «Именно здесь мы сталкиваемся с такими лексическими единицами, которые в своём большинстве как бы обречены быть вечными неологизмами» [Шанский 1972: 160 - 161].

Но независимо от этого противопоставления «неологизмы на час – вечные неологизмы», те и другие слова на определенном синхронном срезе существования общего литературного языка являются новыми, незнакомыми, необычными, то есть окказиональными. В указанном плане окказионализмы писателей предшествующих эпох также являются неологизмами, как и созданные «на наших глазах», ибо те и другие не известны существующей лексической системе. Различие состоит лишь в том,

что первые просуществовали какой-то период времени и не влились в общеупотребительную литературную лексику, хотя и являются достоянием языка художественной литературы, а судьба вторых ещё не известна, их будущая распространенность или нераспространение может лишь предполагаться, но не утверждаться.

По мнению Е.А. Земской, «окказиональные единицы в отдельных случаях могут становиться фактами языка и переходить в категории реальных слов. Обычно это случается, какой-либо окказионализм (его семантика) из-за особой общественной активности получает широкое распространение» [Земская 1992:61].

А.Г. Лыков предлагает различать актуальные неологизмы (современные неологизмы, неологизмы нашего времени) и неактуальные (относительные), которые моментом своего рождения хронологически привязаны к прошлым этапам истории языка. Однако, как справедливо отмечает Н.М. Шанский, они до тех пор лишь и остаются неологизмами, пока окончательно не освоятся языком и не вольются в активный запас лексики, пока воспринимаются как слова, имеющие оттенок свежести и необычности.

При рассмотрении слова с точки зрения их образования, дихотомия «неологизм – окказиональное слово» снимается, ибо любое новое слово именно вследствие своей новизны есть в то же время окказиональное. Это утверждение не противоречит определению Е.А. Земской: «термином *окказиональный* называется факт, не соответствующий общепринятым языковым нормам» [Земская 1981:133].

С точки зрения лексикологического анализа, интересным можно считать следующее определение, предложенное Е.К. Чирковой: «Неологизм – это воспроизводимая единица языковой системы, это узувальные новые слова, тогда как окказионализмы – это слова с оттенком свежести и новизны, существующие в речи одного лица или небольшой группы лиц и не

обладающие регулярной воспроизводимостью в литературном языке» [Чиркова 1974: 129].

А.Г. Лыков занимался изучением русского окказионального слова. Ученый отметил многопризнаковый характер определения слова и выделил следующие девять признаков, «ограничивающих русское окказиональное слово от канонического:

- 1) принадлежность к речи;
- 2) творимость;
- 3) словообразовательная производность;
- 4) ненормативность;
- 5) функциональная одноразовость;
- 6) экспрессивность;
- 7) номинативная факультативность;
- 8) синхронно-диахронная диффузность;
- 9) индивидуальная принадлежность» [Лыков 1976: 11].

В исследованиях по неологии довольно часто употребляются термины «потенциальные слова» и «окказиональные слова». При дифференциации новых слов на указанные группы необходимо учитывать следующее. В языковедческой литературе параллельно существуют две тенденции, направленные на разграничение или неразграничение потенциальных и окказиональных слов. Первое направление рассматривается в работах Г.О. Винокура, Е.А. Земской, М.А. Бокиной и др. Другая тенденция представлена в работах В.В. Лопатина, А.Г. Лыкова, О.А. Габинской. Э. Ханпира справедливо утверждает: «Окказионализмы и потенциальные слова можно объединить под общим названием окказионализмы в широком смысле слова» [Ханпира 1972: 248].

Этой же точки зрения придерживается В.В. Лопатин, который объединяет под общим названием «окказионализмы» обе группы слов – и потенциальные, и индивидуально-авторские слова» [Лопатин 1973: 71]. Такое объединение этих видов слов оправдано тем, что и те и другие

отсутствуют в языковой традиции, то есть создаются в момент речи, а не используются как готовые единицы языка. Обе группы вносят ощущение новизны, их не всегда можно четко ограничить. Окказионализмы не входят в словарный состав языка. Любой носитель языка может создать окказиональные и потенциальные слова. Эти новообразования могут создаваться и в устной, и в письменной речи одновременно разными людьми и независимо друг от друга. И у тех и у других слов обнаруживается больше общих признаков, чем различительных. Различие данных разрядов лишь в том, что при образовании потенциальных слов используются продуктивные словообразовательные модели, а окказиональные возникают по малопродуктивным, непродуктивным, окказиональным способам образования.

Рассмотренные выше признаки свойственны и для новообразований, созданных детьми. Подобное разграничение новых слов нужно будет учитывать и при словообразовательном анализе инноваций в детской речи.

Ученые, изучающие новообразования, ставят вопрос о языковой – речевой природе новых слов. Одним из коренных отличий окказиональных слов по праву считается их речевая принадлежность, в отличие от новых слов, вошедших в язык, ставших общеупотребительными. Многие языковеды наряду с распространенным названием таких слов, созданных «по случаю», предполагают и другие названия окказиональных слов. Перечень этот интересен тем, что каждый из предлагаемых терминов характеризует речевую природу со своей стороны.

«Индивидуальные слова», «авторские неологизмы», «стилистические неологизмы» и «неологизмы контекста», «слова-самоделки», «слова – экспромты» и даже «слова - метеоры» – вот далеко неполный перечень новых слов. В.В. Лопатин считает, что «среди удачных терминов заслуживает внимание «эгологизм», предложенный А. Аржановым. Есть два типа новых слов. Разница между ними существенна. Классические неологизмы характерны тем, что быстро становятся общенародным достоянием, и словари вскоре регистрируют их на полноправные слова.

Другое дело – эгологизмы («эго» – я; этот термин подчеркивает субъективный характер словообразования). Они живут только в своем контексте» [Лопатин 1973: 64].

В данной работе мы будем использовать термины *новые слова* = *новообразования* в детской речи, под которыми понимаем не закреплённые языковой традицией лексические единицы, созданные детьми в определенной речевой ситуации (на словообразовательном уровне данные единицы дифференцируются на потенциальные и окказиональные слова).

Детские новообразования представляют собой квазислова, интуитивно создаваемые детьми путем комбинации известных корневых и аффиксальных морфем по продуктивным словообразовательным моделям с отчетливой внутренней формой и более или менее явно выраженной антропоморфной семантикой. С.Н. Цейтлин отмечает, что «возможные системы, не использованные языковой традицией, обуславливают существование на уровне языковой нормы так называемых пустых клеток (лакун) [Цейтлин 1989: 67].

С.Н. Цейтлин выделяет два типа лакун: абсолютные, под которыми понимает «факт отсутствия языковой единицы на уровне нормы», и относительные, представляющие собой «не реализованную на уровне языковой нормы возможность существования варианта данной единицы» [Цейтлин 1989: 67-68].

Примером заполнения абсолютных лакун, отражающих способность ребенка создавать отсутствующие в языке антропоморфные номинации, может послужить следующий: «*Это бабочка, а это её детки, **бабят***» (5л., 10м.).

Примером заполнения относительных лакун является следующий: «*Скорей жуков буду собирать, а то они нападут на картошку и **бандитничать** будут*» (6л., 8м.). Он представляет собой персонифицированные варианты изменений нормативных языковых единиц.

1.2. Типология причин словотворчества

Словотворчество – это многогранный процесс, направленный на выбор или создание индивидом необходимой лексической единицы. Выделяется два объекта изучения: словообразовательная структура слова (как сделаны готовые слова) и словообразовательный процесс (как делаются слова).

«Что касается словотворчества, то это сознательное производство человеком (из наличных в его распоряжении языковых средств) нового слова в одномоментном акте его создания для тех или иных нужд речевой деятельности. Поэтому вновь образованное слово всегда выступает как окказиональное, индивидуально-авторское, прикрепленное к определенной ситуации или контексту» [Цейтлин 1989: 67-68].

В.В. Лопатин и И.С. Улуханов связывают исследования словообразовательной структуры слова с синхронным описанием словообразования и считают, что такое изучение отвечает на вопрос: «как сделаны и как делаются слова?» [Цейтлин 1989: 67-68].

Е.А. Земская считает, что предметом словообразования является слово, «в связи с его строением». Подобным образом определяет предмет словообразования Ю.А. Гвоздарев. По его мнению, словообразование изучает слово как «структуру, закономерность образования слов, их образовательную типологию» [Гвоздарев 1977:11].

Делаем вывод, что предметом словообразования является «словопроизводственный процесс, в ходе которого лексически материализуется, объективируется идеальное, и словообразовательная модель, в соответствии с которой процесс осуществляется» [Торопцев 1980:10]. Таким образом, словотворчество изучает процесс возникновения лексических единиц в динамике и статике, которые, несмотря на противоположность, хорошо между собой согласуются.

Словотворчество изучается в разных аспектах, но большое внимание при этом должно быть уделено «исследованию живой речи, которая

протекает в условиях реальной коммуникации... В определённом коммуникативном акте наряду с выбором уже имеющихся в языке готовых лексических единиц может осуществляться и конструирование новых единиц» [Плотникова 2003: 24].

Е.А. Земская отмечает, что словотворчество – сложное и неоднородное явление, «своеобразная палка о двух концах» [Земская 1981:188]. С одной стороны, это стремление освободиться от шаблона, жажда речетворчества, с другой – нежелание утруждать себя поисками готового, имеющегося в языке слова.

Большинство ученых считают, что словотворчество возникает по причине стремления к максимальному использованию выразительных возможностей слова, желанию найти новое, свежее выражение, неожиданный словесный образ.

М.А. Бакина в применении к художественному творчеству поставила вопрос об осознании творцом слова недостаточности средств выражения, имеющихся в языке. «В художественной литературе неологизмы должны быть художественно оправданы, т.е. вызваны не только желанием создать тот или иной эмоциональный оттенок, но и убеждением, которое должно передаваться читателю, что уже имеющихся средств языка для этого недостаточно» [Бакина 1977: 70].

Одна из причин словотворчества – это стремление не допустить тавтологии в речи, необходимость точно выразить мысль. Еще одной из распространённых причин словотворчества является желание кратко выразить мысль (часто одно слово заменяет целое словосочетание или даже предложение) [Чернова 1973: 111]. «Заменяя собой словосочетание, окказионализмы служат экономией речи, способствуют ее смысловой ёмкости и экспрессивной насыщенности» [Агаронян 1972: 11].

Таким образом, не все причины словообразования существенны для того, чтобы побудить к словотворчеству. Большинство ученых данные обстоятельства объясняются в каждом случае словопроизводства одной

причиной образования слов, а именно основной, наиболее, по их мнению, значимой. «При всей правомерности такого выделения нельзя им ограничиться, ибо к осознанию необходимости словопроизводного акта носитель языка приходит в результате взаимодействия многих фактов самого различного характера, которые исследователи должны учитывать при изучении причин лексической объективации [Габинская 1981: 67].

Детские инновации с персонифицированной семантикой можно разделить на три группы слов, отражающих направления словотворческого процесса: прямое словообразование, заменительное словопроизводство и обратное словопроизводство.

Прямое словотворчество заключается в образовании новых слов путём присоединения морфем. Данная словообразовательная модель наиболее распространена в речи детей и имеет следующие разновидности:

1) суффиксация как способ образования персонификатов: «Показывает на козлят. Это же **сынята** козы» (5л., 9м.);

2) префиксация как способ образования инноваций: «Мама, – просит Шурик, – поджарь мне картошку. – На подсолнечном масле? – Нет, на **подсливочном!**» (7 лет);

3) приставочно - суффиксальный способ: «Мама, – просит Максим, - надень Рексу **нашейник**, и пойдём с ним гулять» (4,5 года).

Более подробно эти способы мы опишем во второй главе данной работы.

Заменительное словообразование заключается в образовании одного слова от другого путем замены морфем, например: «Моя Таня (кукла) пошла есть через пять минут уже **приела** всё, вернулась» (5л., 8 м.).

Путём редеривации (обратного словообразования) детские окказионализмы образуются редко. Приведём пример такого способа, реализованного посредством десуффиксации: «Показывает на прищурившегося кота. – Вон смотрите, какой **япон!** (7 лет)

Как получается, что ребенок, усваивая язык на основе анализа речи взрослых, учась у взрослых, говорящих правильно, то есть в соответствии с действующей языковой нормой, употребляет, несмотря на это, слова, которые не предусматриваются нормативами языка? Единственное приемлемое объяснение этому можно усмотреть в том, что язык как устройство, ответственное за порождение речи взрослых, и язык, как устройство, управляющее порождением речи ребёнком, не вполне идентичны друг другу. Далее мы рассмотрим эти особенности подробнее.

1.3. Специфика детского словотворчества

Детская речь – особенное психолингвистическое явление, изучение которого даёт возможность объяснить большинство сложных проблем лингвистики. Ребёнок совершает на самом деле большой подвиг, который заключается в овладении всего лишь за несколько лет родным языком. Если принять во внимание познавательные возможности двух-трёхлетнего малыша, то это удивительно как ему это удаётся за такой короткий срок. Интеллект взрослого человека намного развитее, но чтобы ему изучить новый для него язык, потребуется больше времени. Темпы, которыми ребёнок овладевает языком, поразительны. У ребёнка в возрасте до года словарный запас исчисляется единицами. К концу второго года уже в активном словаре 250-300 слов, к трём годам он достигает тысячи, что означает, что его словарный запас за год становится втрое больше.

Но это не все трудности ребёнка, которые встречаются на пути к изучению родного языка. Помимо запоминания слов, ребёнку нужно овладеть и грамматическими формами языка. Это – склонение, спряжение, функции приставок, суффиксов, и по подсчетам Чуковского их не меньше семидесяти. И почти всеми семьюдесятью ребёнок овладевает в возрасте от двух до пяти лет, овладевает прочно, на всю жизнь, и проявляет при этом такое удивительное чутьё, какого уже никогда не будет.

Невероятно ярко проявляется языковедческая гениальность ребёнка в образовании новых слов. Постоянное время дети, для своих надобностей, создают, никогда ранее не употребляемые слова и выражения.

Очевидно, что большую часть слов ребёнок заучивает путём подражания: «дай – дай» – обращается мама к годовалому сынишке и берёт у него из руки игрушку; «дай – дай» - повторяет малыш. Но если внимательно прислушаться к детской речи, то мы можем услышать такие слова, которые дети не могли заимствовать у взрослых.

- *Я – правдун* – заявляет четырёхлетний Алёша.

- *Фу, какая капота!* – морщится от дождя трёхлетний Миша.

Появление этих новых лексических единиц в детской речи и называется словотворчеством.

В нашей стране эту особенность детской речи изучали Н.А. Рыбников, К.И. Чуковский, А.Н. Гвоздев, Т.Н. Ушакова и др. Вывод, сделанный многими лингвистами и психологами в результате их работы, состоит в том, что первые годы жизни ребёнка являются периодом усиленного словотворчества. И оказывается, что большинство детей используют в своей речи одни и те же новые слова (например, «*всехний*», «*всамделишный*»), но есть и слова, которые встречаются у одних детей и отсутствуют у других («*Мама, моя ты мояшечка*», «*Какой ты диктун, папа*» и др.).

К.И. Чуковский подчёркивал творческую силу ребёнка, его удивительную чувствительность к языку, которые выявляются особенно ярко в процессе словотворчества.

Н.А. Рыбников был поражён богатством детских лексических новообразований и их лингвистическим совершенством. Он высказывался о словотворчестве детей как о «скрытой детской логике, бессознательно господствующей над умом ребёнка» [Кольцова 1973: 160].

Что же это за удивительная особенность у детей создавать новые лексические единицы? Почему детям словотворчество даётся более успешнее

и легче, чем взрослым, несмотря на то, что ребёнок только начинает овладевать всеми законами языка?

До недавнего времени считалось, что в основе овладения языком лежит имитативный принцип: ребёнок слышит слова, выделяет по аналогии грамматические конструкции и подмечает, к каким ситуациям они относятся, причем слышит и повторяет не просто, а «к месту», и таким образом учится говорить. Однако данная точка зрения никак не объясняет принцип создания ребёнком новых высказываний. Имитативная теория овладения языком недооценивает активность ребёнка, отводя ей второстепенную роль – лишь в оперировании с готовыми, «взрослыми» речевыми образцами.

Для перехода языковой единицы из «взрослого» языка в язык ребёнка она должна обладать рядом языковых качеств, такими, как: доступность ее содержания; план выражения должен быть достаточно типовым и стандартным для того, чтобы языковая единица могла быть вычленена из синтагматического ряда. Одним из важных качеств языковой единицы, способствующих её усвоению ребёнком, является *степень системной закреплённости* – как в плане содержания, так и в плане выражения. Каждая новая единица должна находиться в ясных для ребёнка системных связях с другими, уже усвоенными единицами.

Присутствие в детской речи большого количества «инноваций, то есть самостоятельно созданных ими языковых единиц или модифицированных единиц взрослого языка, – по мнению С.Н. Цейтлин, – факт совершенно неоспоримый и привлекающий внимание родителей, педагогов и, разумеется, лингвистов» [Цейтлин 2000: 159]. Общеизвестно, что ведущим механизмом такого рода образования является аналогия. Об этом писал ещё немецкий лингвист Г. Пауль. Не прошёл мимо детских инноваций и Ф. де Сессюр, основоположник современной лингвистики. Детские инновации интересовали его в связи с анализом явления аналогии, объясняя тем, что дети недостаточно освоились с обычной речью.

Большое внимание творческим аспектам речевой деятельности ребёнка уделяли представители казанской лингвистической школы: Н.В. Крушевский, В.А. Богородицкий и И.А. Бодуэн де Куртенэ. Бодуэн де Куртенэ полагал, что по детским инновациям можно предсказать будущее состояние языка. Его работы вдохновили молодого К.И. Чуковского к изучению детской речи.

Ученик И.А. Бодуэна де Куртенэ Л.В. Щерба подошёл к детским речевым инновациям как к специфической разновидности так называемого отрицательного языкового материала. «Интерес к детской речи в целом и к речевым инновациям в частности был обусловлен всей направленностью лингвистической концепции Л.В. Щербы – её принципиальной ориентацией на анализ живых, а не «мёртвых» языковых явлений, на рассмотрение творческого аспекта речевой деятельности, на внимание к тем процессам, которые при производстве речи и её восприятии происходят в головах индивидов. Он утверждал, что деятельность человека, усваивающего язык на основании определённого материала, сродни деятельности учёного – лингвиста, который выводит из такого же материала представление о языке как о таковом. Отстаивая существенное для его концепции понимание грамматики как сборника правил речевого поведения, он основывался на фактах детской речи, точнее, именно на детских новообразованиях» [Щерба 1974: 48]. Это можно рассматривать как обоснованное возражение сторонникам теории имитации, которые утверждают, что ребёнок постигает грамматику взрослых, повторяя услышанные слова и действуя при этом только посредством проб и ошибок.

Несмотря на то, что К.И. Чуковский не относил себя к лингвистам – профессионалам, в его книге поставлены и по-новому решены интереснейшие языковедческие проблемы, связанные преимущественно с детскими лексическими новообразованиями. Изучая вопрос соответствия подражания и творчества при усвоении языка, он показал, как велика речевая одарённость ребёнка, который, анализируя речь взрослых, усваивает

языковые модели и правила. «Она (речевая одарённость) проявляется не только в классификации окончаний, приставок, суффиксов, которую он незаметно для себя самого производит в своём двухлетнем уме, но и той угадке, с которой он при создании слова выбирает для подражания необходимый ему образец. Само подражание является здесь творческим актом» [Петровский 1966: 33].

К.И. Чуковский в своей книге приводит, на первый взгляд, противоречивую мысль о том, что иногда детские нелепые лексические новообразования намного правильнее наших взрослых слов. Говоря об этом, в первую очередь, он имел в виду случаи, не соответствующие норме – слово - и формообразования. Говоря о точности детской речи, Чуковский сделал вывод, что в грамматике отсутствует строгая логика, а дети непроизвольно исправляют её. Без использования лингвистической терминологии он сумел объяснить закономерность детских новообразований и убедить читателя в их правомерности и изначальной правильности. Им отмечено важное обстоятельство, что одни и те же случаи отступления от языковой нормы встречаются в речи разных детей. Обширность материала в его распоряжении позволила ему выявить повторяющиеся и частотные случаи, что подтверждало мысль о наличии объективных и строгих закономерностей, ведущих к появлению детских лексических новообразований.

А.Н. Гвоздев тоже отводил большую роль в своих исследованиях новообразований в детской речи. Он называл их «образованиями по аналогии», делая акцент на психолингвистическом механизме их возникновения. Сам факт их появления в речи ребёнка свидетельствует, по мнению учёного, об усвоении того или иного грамматического явления (то есть правила образования слова или словоформы, основанного на способности членить нормативную словоформу на элементы и осмысливать функции полученных элементов). «Сопоставляя значимость для лингвистики изучения детских новообразований и писательских окказионализмов, А.Н. Гвоздев подчёркивал, что первые представляют гораздо большую

ценность, так как ребёнок обнаруживает стихию языка без какого то ни было искажения. Мне кажется, – писал исследователь, – что привлекая только образования по аналогии детей дошкольного возраста, можно установить основной морфологический запас русского языка» [Гвоздев 1961: 16].

Заслуживает особого внимания серия работ, выполненная под руководством и при участии М.И. Черемисиной группой сибирских учёных. Проанализировав функционирование словообразовательного механизма языка в сфере детской речи, авторы выделяют правильные, то есть созданные в соответствии с существующими в языке моделями образования новых слов, и неправильные, то есть созданные с нарушением тех или иных закономерностей, новообразования. В работах этих авторов выявлена существенная закономерность овладения словообразовательными моделями: сначала усваивается первичная недифференцированная словообразовательная модель, а затем уже совокупность частных моделей, представляющих конкретизацию общей. Этой же точки зрения придерживается Д. Слобин, который на более обширном и качественно новом материале установил важнейшую закономерность универсалий детской речи.

В работах А.М. Шахнарвича обсуждается проблема процесса имитации при усвоении языка ребёнком. В качестве одного из аргументов в споре со сторонниками теории имитации выдвигается положение о широкой растространённости в детской речи инноваций. Анализируя механизм создания новообразований, А. М. Шахнарвич не считает возможным, подобно лингвистам предшествующих поколений, расценивать их как образования по аналогии. «Это аналогия особого рода: это подражание себе. Детские речевые новообразования формируются на основе особых механизмов: они являются следствием функционирования в речи детей моделей – типов» [Шахнарвич 1979: 203].

Не всегда любая самостоятельно сконструированная языковая единица попадает в разряд инноваций. Встречается много случаев, когда

самостоятельно сконструированная ребёнком единица может совпасть по форме и по значению с уже имеющейся в языке. Тогда это не будет считаться фактом языкового творчества. Таким образом, любая инновация представляет собой речевую единицу, самостоятельно сконструированную ребёнком, но при этом не все такие единицы попадают в разряд инноваций.

В данной работе мы попытаемся рассмотреть все случаи речетворчества ребёнка и коснёмся тех случаев, когда новое слово совпало с уже имеющимся в языке и по форме и по значению.

Учитывая огромное разнообразие детских речевых инноваций, наблюдаются поистине поразительные случаи речевых совпадений: очень часто разные дети в разное время и независимо друг от друга производят одни и те же языковые единицы.

«Все факты речевых совпадений неопровержимо свидетельствуют о том, что, несмотря на важные различия в формировании отдельных речевых систем, обусловленные особенностями когнитивного развития, воздействием речевой среды, несовпадением ситуаций, главные причины, объясняющие отклонения от нормы в детской речи, носят инвариантный характер – объективно существующие, единые для всех особенности постигаемого языка и общая для всех детей стратегия овладения языковым механизмом» [Аркадьева1987: 85].

Самое поразительное и значимое качество в детских инновациях – постоянное отступление от нормы. А если языковые правила с таким завидным постоянством нарушаются разными детьми одинаковым или почти одинаковым способом, значит, должно существовать правило для нарушения правил, и выявить его можно. Анализируя, во-первых, особенности речевой деятельности ребёнка, и, во-вторых, особенности строения языкового механизма, обуславливающего неравномерность усвоения ребёнком разных уровней языка.

Изучая вопросы речевой деятельности ребёнка, мы ищем ответ на вопрос, почему дети создают новые слова гораздо чаще, чем взрослые.

Исследуя строение грамматического механизма языка, мы пытаемся выяснить, почему самостоятельно образованные ребёнком слова и формы во многих случаях отличаются от существующих в языке, т.е. попадают в разряд инновации.

Известный исследователь детской речи Д. Слобин имел все основания назвать лексические новообразования детей «маленьким чудом русской речи. В самом деле, любой ребёнок, овладевающий русским языком, сочиняет большое количество новых слов и непривычных для нашего слуха новых форм уже существующих слов. Выражаясь языком современной лингвистики, дети отличаются особой лингвокреативностью» [Слобин 1976:221].

Есть важная отличительная черта, определяющая последовательность усвоения ребёнком языковых фактов: он всегда постигает в первую очередь самые общие закономерности, а значительно позднее – частные правила, представляющие собой конкретизацию общих закономерностей применительно к группам слов, объединённым тем или иным общим признаком, и уже в самую последнюю очередь знакомится с исключениями.

К.И. Чуковский был совершенно прав, когда, анализируя удивительный феномен детского словотворчества, утверждал, что в грамматике не соблюдается строгая логика. Если бы наш язык был устроен более простым способом, не было бы пространства для детского слово- и формотворчества.

«Сложность словообразовательной системы заключается в следующем: существует значительное число синонимичных, параллельных, словообразовательных моделей, причём выбор одной из них в большинстве случаев определяется лишь традицией» [Цейтлин 1980: 55]. Например:

*«Давай играть: ты будешь покупатель, а я **продаватель**». – «**Не продаватель, а продавец**». – «Ну, ладно, давай, ты будешь продавец, а я **покупец**».*

Эта беседа нам ясно показывает стремление ребёнка к логичности, последовательности – он хочет, чтобы изменениям в смысле при переходе от одного слова к другому соответствовали аналогичные стандартные изменения в форме. Дети стремятся к симметричности языкового знака, к установлению однозначных соотношений между формой и значением.

Получается, что наличие большого числа вариативных речевых моделей затрудняет выбор и приводит к тому, чтобы сконструированное ребёнком слово попадает в разряд инноваций.

«Явление, которое мы называем «детской этимологией», коренным образом отличается от конструирования нового слова. Ребёнок не создаёт новой языковой единицы – нового слова с новым значением, а лишь перестраивает звучание существующего слова, модифицирует его звуковую оболочку, сохраняя имеющееся значение» [Цейтлин 1989: 64].

Мы с лёгкостью распознаем вазелин в *мазелине* и абажур в *лампажуре*.

Причины подобных модификаций – не только любознательность детей, а в первую очередь стремление к систематизации языковых факторов, облегчающей их усвоение и запоминание. Известно, что легче запоминается слово то, которое получило формальную и семантическую соотнесённость с усвоенным ранее словом.

Интересными представляются наблюдения Т.Н. Ушаковой, которая выделяет три основных принципа, по которым дети конструируют новые слова: а) часть какого-нибудь слова используется как целое слово («осколки слов»); б) к корню одного слова присоединяется окончание другого («чужие окончания»); в) одно слово составляется из двух («синтетические слова») [Ушакова 2000:222]. Приведём несколько примеров:

- «слова – осколки»: *лепть* (то, что слеплено): «*Мы лепили-лепили и получилась лепть*» (3г., 6м.);

- «чужие» окончания: *пургинки* (снежинки): «*Пурга кончилась, остались только пургинки*» (3г., 6м.);

- «синтетические слова»: *ворунишка* – вор и врунишка (3г., 6м.).

На данных экспериментального материала учёные Пермского университета выявили типологию детского словотворчества на основе выразительных средств. «До последнего времени считалось, что в основе овладения языком лежит имитативный принцип. Однако данная теория не объясняет правило создания ребёнком новых высказываний. Создание детьми новых конструкций – это творческий процесс, сущность которого составляет поиск образной мотивированности на всех уровнях языка» [Ерофеева 1989: 4].

Исследователи выделили три группы экспрессивных слов и выражений, возникающих на словообразовательном, лексико-семантическом и целостно-смысловом уровнях словотворчества.

I. Экспрессия детской речи, возникающая на уровне словообразования.

В этой группе выделяют две подгруппы.

В *первую подгруппу* входят экспрессивные детские новообразования, не известные общелитературному языку, которые образуются путём аффиксации, основосложения, слобосложения. Условно назовём их «абсолютными» неологизмами.

1. Экспрессивные новообразования, аффиксальные по способу образования:

*«Я повесил пальто, а ты зачем его **отвесил**»; «Мы хорошо купались, такую **брызгань** подняли».*

2. Экспрессивные неологизмы, образующиеся путём основосложения:
*«Дождь – **никуда непускатель**».*

Вторую подгруппу составили экспрессивные детские инновации, совпавшие по внешнему облику, но не по значению, со словами, уже известными в языке. Условно назовём их «относительными» неологизмами. Например: *«**Курятник** – это дяденька, который курит».*

II. Экспрессия детской речи, возникающая на лексико-семантическом уровне словотворчества.

В пределах данной группы слов выделяются следующие подгруппы:

1. Слова, экспрессия которых обусловлена осмыслением значения неизвестного слова на основе сопоставления с каким-то другим, знакомым созвучным словом (ложная этимология). Например: «*Судак – это которого судят?*»

2. Слова, экспрессия которых возникает на основе метафорического переноса (по сходству во внешнем облике, функции, а так же при замене наименования целого названием отдельной его части и наоборот): «*Улица заболела*» (увидели уличный термометр).

3. Слова, экспрессия которых вызвана ошибочным пониманием их значения. Например: «*А я не пойду на улицу, чтобы меня морозы не ударили*».

III. *Экспрессия детской речи, возникающая на целостно-смысловом уровне словотворчества.*

В данной группе также выделяется две подгруппы. В *первую подгруппу* входят детские высказывания, экспрессия которых создаётся на основе меткого наблюдения. Например: «*Звёзды – это салютики, которые за небо зацепились*».

Во второй подгруппе детские высказывания, экспрессия которых создаётся на базе неверного истолкования окружающей действительности, например:

- явлений и состояний человеческого организма: «*Не ешь много сладкого, а то выпадут свои зубки и вырастут золотые как у бабушки*»;

- относительного характера времени, его движения: «*Как же ты пеленал бабушку когда она была маленькой?*» (дедушке, который не умеет пеленать новорожденного);

- названия, устройства, происхождения каких-либо предметов и явлений, единиц их измерения: «*Электричество – это куда пальцы нельзя совать?*»;

- логической зависимости между причиной и следствием: «*А резину делают из калош?*»

В.К. Харченко отмечает степень сходства детских инноваций с фактами истории языка и выделяет допустимые отклонения. Предложенное выделение групп достаточно *условно*, но нам важно подчеркнуть типичность процесса расширения значений в детской речи.

Часто наблюдаются фонетические различия слов: *мукить* в детской речи и *мучить* в истории языка. На морфологическом уровне наиболее обширны совпадения в классе глаголов: в древнем языке – *изворовати*, а у детей: «*Заяц всю капусту изворовал*».

В.К. Харченко подчёркивает: «Как и в сфере словообразования, в области семантики типичные отклонения детской речи отражают во многих случаях некогда существовавшие реальные значения и употребления. При всём обилии, избытке словопроизводства и смыслопроизводства детская речь по своим доминирующим отклонениям даёт возможность установить запасной банк смыслов и форм. Речевые ошибки детей – это подчас старая, древняя или древнейшая норма языка» [Харченко 1989: 141].

Следовательно, можно говорить, что в детском конструировании слов следует различать: 1) образование слов по конкретному образцу; 2) образование слов по модели. В первом случае при образовании слова воспроизводятся семантические и формальные отношения между определённой парой слов, находящихся в отношениях «производящее – производное». Во втором случае – все слова образованы по высокопродуктивным моделям современного языка. Все детские новообразования не только не противоречат словообразовательной системе современного языка, но, более того, прямо порождены ею, представляя собой реализацию её потенциальных возможностей, выявляя скрытые ресурсы словообразования. В каждом случае возникает новое сочетание морфем, новое для нормативного языка. Сами же морфемы и способы их соединения не создаются, а берутся уже готовыми из языковой системы. Делаем вывод, что именно поэтому любое детское слово в общем узнаваемо, мы понимаем его значение, несмотря на то, что ранее оно нам не встречалось.

Глава II. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ НОВОБРАЗОВАНИЙ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ

Наиболее известную и признанную классификацию способов русского словообразования предложил В.В. Виноградов. Особое её достоинство – это впервые чётко и удобно сжато представленное многообразие способов деривации.

Позже наиболее полно способы образования описал И.С. Улуканов. Он определил 79 реализованных узуально и окказионально способов.

В нашей работе мы будем принимать за основу классификацию, разработанную Л.И. Плотниковой [Плотникова 2003: 83]. Все новообразования делятся нами по частеречной принадлежности на 4 класса: субстантивные, адъективные, глагольные и адverbальные. Самую многочисленную из них и разнообразно представленную по способам словообразования группу (имена существительные) мы разделим на две подгруппы. Внутри каждой проанализируем основные способы образования новых слов в детской речи с учётом деривационного форманта и производящей основы.

2.1. Лексические новообразования – имена существительные

Существительные, обозначающие лицо

Анализируя языковой материал, мы выделили две категории имен существительных:

- 1) предметные имена, обозначающие лицо;
- 2) предметные имена, обозначающие не-лицо.

Новообразования – имена существительные составляют довольно значительную по объёму группу (более 50 % из всех исследуемых новообразований). Наиболее часто встречающийся способ их образования –

суффиксальный способ. Рассмотрим наиболее эффективные модели.

Суффиксальные существительные

Новообразования с суффиксом *-тел'* называют то лицо, которое производит действие. В основе своей это существительные, мотивированные глаголами, например: *иметель, ломатель, продаватель, прожигатель, прочищатель, пугатель, сторожитель*.

«*Иметель*»: «*Я иметель котёнка*». – (бл., 3м.), здесь и далее: ДС (Кольцова М.М. Детское словотворчество. – М., 1973), [ДС: 101]

«*Ломатель*»: «*...По соседству ломали старый дом. Катя заметила: Смотрите, ломатели пришли!*». – (бл., 5м.), [ДС: 91].

«*Пугатель*»: «Человек, отпугивающий кого-либо. – *Я пугатель комаров*». – (бл., 2м.). **Здесь и далее: ССДЯ (Харченко В.К. Словарь современного детского языка. – Белгород, 2002), [ССДЯ: 83].**

Существительные с суффиксом *-ник* имеют общее значение «одушевлённый предмет, характеризующийся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом».

Слова этого типа называют лицо по различным действиям и признакам: *билетник, дельник, колбасник, лужник, пчельник, ракетник, фигурник, футбольник* и др.

«*Билетник*»: «*Кто продаёт билеты? – Билетник!*». – (бл.), [ССДЯ: 28].

«*Ветник*»: «*Я ветник – по веткам лазить люблю*». – (4л., 5м.). **Здесь и далее: ДВ (Дошкольное воспитание. – 1977), [ДВ: 93].**

«*Колбасник*»: «*Я так люблю колбасу*». – (7л., 7м.), [ДВ: 27].

Существительные с суффиксом *-ниц(а)* называют лица женского рода: *пальтовница, приемница, садница* и др.

«*Пальтовница*»: «*Марина, кто тебе такое красивое пальто сшил? – Пальтовница*». – (5л.), [ДС: 37].

«Приемница»: «Женщина, работающая в приёмной комиссии. – Я летом ходила в садик, потому что мама была **приемница**». – (6л., 1м.), [ССДЯ: 63].

«Садница»: «Настя, ты школьница? – Нет, я **садница**». – (5л., 7м.), [ДВ: 66].

Существительные с суффиксом *-щик/- (ль)щик* называют лицо, характеризующееся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом. *Базарщик, температурищик* – мотивированы именем существительным, а *пломбировщик, починщик* – мотивированы глаголами совершенного и несовершенного вида. Эти новообразования называют лицо, производящее действие: *асфальтильщик, возильщик, помогальщик, подметальщик, срывальщик, топтальщик, улыбальщик* и др.

«Базарщик»: «Когда я вырасту, я буду **базарщиком**, – заявляет Дима, – т.е. буду работать на базаре». – (7л.), [ДВ: 11].

«Пломбировщик»: «Ходили в стоматологическую поликлинику. После посещения врача Наташа спрашивает: - А мы ещё пойдём к **пломбировщику**?» – (7л., 1м.), [ДВ: 80].

«Возильщик»: «Почему говорят носильщик? Надо бы **возильщик**» (рассуждает девочка, увидев на вокзале носильщика с тележкой). – (6л., 7м.), [ДВ: 21].

Существительные с суффиксом *-ист* называют лицо по сфере занятий, склонности, названным мотивирующим словом. Образования этого типа, мотивированные нарицательными существительными и глаголами, называют лицо по отношению к объекту его занятий или орудию деятельности (*воротист, комбайнист, конькист, кошкинист, лошадирист, оперист, певист*).

«Воротист»: «Я буду **воротистом**. Ну, на воротах буду стоять». – (6л., 1м.), [ДВ: 23].

«Конькист»: «Я буду **конькистом**, говорит мальчик, когда смотрит фигурное катание по телевизору». – (5л., 7м.), [ДВ: 50].

«Певист»: «Я хочу стать **певистом**». – (6л.), [ССДЯ: 8].

Новообразования с суффиксом *-ун* называют лицо по конкретному действию, вызванному мотивирующим словом, часто с оттенком «склонный к этому действию»: *едун, правдун, скакун, смеюн, спун, шахматун, щипун* – слова мужского рода и *мечтунья* – женского. Мотивирующие – беспрефиксальные глаголы несовершенного вида.

«Смеюн»: «Мама, а почему Серёжа смеется? **Смеюн** какой-то». – (5л.), [ДВ: 56].

Менее продуктивным является суффикс *-ор*, с помощью которого называют лицо, характеризующееся по сфере деятельности (*ремонтёр, программёр*).

«Ремонтёр»: «Сын встречается папу с работы и говорит: - К нам приходил **ремонтёр**» – (7л.), [ДВ: 76].

Непродуктивным считается образование слов с помощью суффикса *-ар`-*. Обычно это названия лица по продукту его деятельности, например: *кусарь*.

Существительные с суффиксом *-ец/-нец* называют лицо, характеризующееся действием, названным мотивирующим словом или имеют значение «лицо, характеризующееся отношением к тому, что названо мотивирующим словом». Мотивирующие – немотивированные глаголы обоих видов (*дранец*) или существительные (*аспирантурец*).

«Дранец»: «Эти мальчик – **дранцы**. Они дерутся». – (5л., 7м.), [ДВ: 17].

«Аспирантурец»: «Ты теперь **аспирантурец!**». – (6л., 2м.), [ССДЯ: 15].

Аналогичное значение имеет морф *-иц(а)*, указывающий на слова женского рода: *хитрица, продавица и негрица*.

Достаточно интересной является модель образования новых слов с суффиксом *-ач*. Эти существительные называют лицо, производящее действие: *рвать* - *рвач*, *пугать* – *пугач*, *стирать* – *стирачка* (+суф. *-к-* для ж.р.) Детское слово *зубачка* мотивировано существительным мужского рода,

а слово *слепач* – мотивировано прилагательным и называет лицо по характерному признаку.

«Рвач»: «У Танечки разболелся зуб, но в поликлинику идти не хочет. Я не пойду к **рвачу**». – (5л.), [ДВ: 89].

«Зубачка»: «Олег, видя, как щенок грызёт кость, сказал: Наша **зубачка** завтракает». – (6л., 5м.), [ДВ: 18].

«Слепач»: «Дедушка плохо видит. Внук недоумекает: Он кто, **слепач?**». – (5л., 1м.), [ДВ: 93].

Необходимо отметить и слова с суффиксом *-ак*, называющие лицо по характерному признаку, названному мотивирующим словом: *черняк, медляк*. В единичных образованиях с той же семантикой выделяют суффикс *-ук*.

«Черняк»: «Смотрите, **черняк** идёт!». – (5л., 7м.), [ДВ: 95].

«Правнюк»: «Трёхлетний Серёжа так говорит о правше: **Правнюк**». – (3г.), [ДВ: 94].

В системе существительных, мотивированных прилагательными, имеют место слова со словообразовательным значением «носитель признака».

«Света – **рыжик**, а я **черник**, – говорит Таня о своей светловолосой сестре и о себе самой». Морф *-ик* встречается чаще всего в словах, называющих и характеризующих лицо: *белик, храбрик*.

Малопродуктивными считаются существительные женского рода с суффиксом *-их(а)*. Они называют одушевлённый предмет, производящий действие: *думать – думиха, носить – носиха, шутить – шутиха*.

«Думиха»: «Таня, о чём ты думаешь? – О маме и папе. – Эх ты, **думиха, думиха**». – (5л., 6м.), [ССДЯ: 134].

Уникальным можно считать морф *-адь(а)*- в слове *клопадьа* по аналогии с *попадьа*, имеющим значение – «жена клопа». «Он – клоп, а она? – **Клопадьа!**». – (6л., 7м.), [ДВ: 73].

Показательно, что в данном случае в работу включился уникальный суффикс, или унификс.

Существительные с суффиксом *-онок/-ёнок* (во множественном числе *-ат(а)/-ят(а)*) называют лицо или животное, характеризующееся детскостью, незрелостью. Здесь можно выделить новообразования, мотивированные названиями животных и называющие детёнышей: *желтенок, комарята, мухнята, лошадята, овцята* и др.

«Желтёнок»: «Наседка вывела цыплят. Наташа увидела «жёлтые комочки» и воскликнула: «Бабушка, это же **желтенок!**». – (6л., 3м.), [ДВ: 33].

«Мухнята и комарята»: «После чтения *мухи цокотухи*, узнав, что комар освободил героиню из паутины и женился на ней, Костя заявил: - А-а-а, теперь я знаю: у них будут **мухнята и комарята**». – (4г., 6м.), [ДВ: 65].

Префиксально-суффиксальные существительные

Этим способом образована небольшая группа инноваций.

Существительные с префиксом *без-/бес-* и суффиксом *-иц(а)* имеют значение называть лицо, характеризующееся отсутствием того, что названо мотивирующим словом.

«Беспорядчица»: «К Нине пришли подружки. Они играли, шалили. Когда дети ушли, Нина заявила: **Какие мы беспорядчицы!**». – (6л.), [ДВ: 8].

Достаточно продуктивной моделью образования новых слова в детской речи является создания инноваций с помощью префикса *со-* и суффикса *-ник-*: *сороженник*, (по аналогии: *согруппник, соклассник*). Данные образования имеют значение «лицо, объединённое с другим лицом(лицами) совместностью, взаимной связью, основанной на одинаковом отношении к тому, что названо мотивирующим словом.

«Сороженник»: «Маша первый раз пришла в детский сад. Потом она рассказывает маме о своих одноклассниках: Мама, знаешь, сколько у меня **сороженников? И Андрей, и Оля, и Петя!**». – (4г., 7м.), [ДС: 95].

Следует отметить, что в детском словотворчестве встречается и непродуктивный тип образования (с помощью префикса *за-* и суффикса *-ниц(а)*): *задверница*.

«Задверница»: « *Играют в прятки. – А мама наша – задверница: она за дверь прячется!*». – (5л.,6м.), [ДС: 50].

Анализ позволяет сделать вывод, что среди имён существительных, обозначающих лицо, достаточно широко и разнообразно представлен суффиксальный (36%) и в меньшей степени префиксально-суффиксальный способы образования (8%). Всего в процентном отношении таких новообразований 44% от общего количества субстантивов.

Имена существительные, обозначающие не-лицо.

Суффиксальные новые слова. Среди наиболее продуктивных способов необходимо отметить образование существительных со значением отвлечённого признака. Прежде всего это новообразования с суффиксом *-ост`-*, которые составляют продуктивный тип образования слов: *белость, мокрость, страшность, рваность*. Такие существительные совмещают в себе присущее мотивированному прилагательному значение признака со значением предметности, например:

«Белость»: «*Ты под столом посмотри: белость от пыли*». – (8л.), [ССДЯ: 25].

«Гретость»: «*Мама, - говорит Алина, - я замёрзла, дай мне свою гретость*». – (7л.,7м.), [ДС: 32].

«Рваность»: «*Я не вижу, где на кофточке рваность*». – (5л.,3м.), [ДС: 100].

В эту же группу можно отнести и слова с суффиксом *-ств(о)*. Они имеют то же значение, что и слова с суффиксом *-ост`-*, например: *кланство, неприязнтельство*.

«Кланство»: «*Были в театре кукол. Даша спрашивает: А почему актёры ушли без всякого кланства?!*».

Существительные с суффиксом *-тел`-* называют предмет по выполняемому действию, например: *вспоминатель, выигрыватель, отгонятель, продавливатель* и др.

«Вспоминатель»: «На вопрос взрослого: «И как это ты всё помнишь?» следует незамедлительный ответ: А у меня внутри **вспоминатель** есть!». – (5л.,2м.), [ДС: 22].

«Отгонятель»: «О громоотводе: **Отгонятель** грозы ». – (5л.), [ССДЯ: 25].

Достаточно продуктивным является образование субстантивов при помощи суффикса *-от(а)*. Они мотивируются качественными немотивированными прилагательными, а так же глаголами (слова этого типа – названия физических состояний человека). *Бурота, полнота, ровнота, светлота, смехота, тихота, чихота* и др.

«Бурота»: «Это бурый медведь – смотри, какая **бурота!**». – (5л.,3м.), [ДС: 11].

«Светлота»: «Такая **светлота**, а ты всё ещё спишь». – (4г.,2м.), [ДВ: 64].

«Смехота»: «Щекочет бабушку: Бабушка, я буду тебе делать **смехоту**». – (6л.), [ССДЯ: 148].

Существительные со значением отвлечённого процессуального признака, имеющие суффикс *-ени/ни-* в большинстве случаев образуются от глаголов с инфинитивной основой на *-и-*: *лепление, мерение, скобление, чинение, швение*; с основой на *-ее*: *жаление*; и с основой на *-а-*: *искание, ночевание, помогание*.

«Лепление»: «Куда вы моё **лепление** спрятали?». – (4г.,2м.), [ДВ: 64].

«Жаление»: «Заболевший мальчик матери: Если не дашь конфету, то я твоё **жаление** не принимаю». – (6л., 1м.), [ССДЯ: 141].

«Искание»: «Я не искал пуговицу, забыл про это **искание**». – (5л.,8м.), [ДС: 101].

Нередко дети создают слова при помощи суффикса *-ник/-ница(а)*. *звонильник, сушильник* – данные новообразования созданы на основе глаголов и имеют значение «неодушевлённый предмет, орудие»; а также на основе существительных, например: *дятельник, зазаборница, спинница, средница*.

«Звонильник»: «**Звонильник** не будил ещё?». – (4г., 7м.), [ДВ: 21].

«Сегодняшник»: «**Антон** недоумеваает. Почему говорят «завтрак», а не «**сегодняшник**», ведь я ем сегодня, а не завтра». – (4г., 8м.), [ДВ: 84].

Новые слова с суффиксом *-к(а)* представлены единичными случаями, имеющими значение «повторное выполнения действия»: *переобувка, переглядка, переключка*.

«Переобувка»: «*Дочь маме, натершей новыми туфлями ноги: Почему ты **переобувку** не взяла?*». – (5л., 7м.), [ССДЯ: 12]

В системе существительных, мотивированных глаголами, слова с общим словообразовательным значением «носитель процессуального признака» противопоставлены словам со значением отвлечённого действия (состояния). Существительные женского и общего рода с суффиксом *-лк(а)* называют неодушевлённый предмет, предназначенный для выполнения действия.

Детским новообразованиям этого типа свойственны следующие частные словообразовательные значения. 1) «Предмет, предназначенный для выполнения действия»: *зарывалка, замерялка, сверлилка, сигналка, слушалка*. 2) «Предмет, приспособление, названное по определённому действию»: *завивалка, заводилка, крутилка, мигалка, трещалка*.

«Крутилка»: «*Мама собирается на работу. Дочь «помогает»: А где твоя **крутилка**? (об электрощипцах для завивки волос)*». – (5л., 5м.), [ССДЯ: 110]

«Зарывалка»: «*Объясняют друг другу в песочнице свои инструменты: Это бурилка бурить, а **зарывалка** зарывать*». – (7л., 6м.), [ССДЯ: 163].

«Слушалка»: «*Играют в больницу. Настя взяла фонедоскоп и говорит: А сейчас я тебя буду слушать. Вот моя **слушалка***». – (5л., 1м.), [ДВ: 84].

Среди новых слов, слов созданных детьми, имеет и способ образования слов при помощи суффикса *-ок*, обладающий значением «предмет для осуществления действия».

«Помазок»: «Утром, когда собирались уходить, Катя стала рыться в маминой сумке. – Что ты там ищешь? – Помазок. - Какой **помазок?** – Чтобы губы красить!». – (4г.,3м.), [ДВ: 74].

Существительные с суффиксом -як/-як – называют предмет, явление, характеризующееся действием или признаком, названным мотивирующим словом. К этому непродуктивному типу относятся следующие образования: *желтяк, крутяк, стыдняк, стучак, щипак* и др.

«Желтяк»: «Видишь, какой у меня **желтяк** выскочил?». – (3г., 10м.), [ДВ: 30].

«Стыдняк»: «Мне стыдно тебя не слушаться, а при тётё Тане вообще **стыдняк!** ». – (5л., 7м.), [ССДЯ: 173].

«Щипак»: «Настя прибежала домой вся в слезах, жалуется бабушке: Вот...вот..посмотри, что у меня на ножке. Бабушка догадалась: Опять гусей дразнила? Да... Вот **щипак** и вот **щипак**». – (5л., 1м.), [ДВ: 97].

Существительные женского и мужского рода с морфами -ец, -иц(а), созданные на основе глаголов (*сосатинец*) называют предмет, характеризующийся действием, или признак предмета (*овалица, куринец*).

«Овалица»: «Эту ракушку я называю **овалица!**». – (5л., 11м.), [ССДЯ: 321].

«Сосатинец»: «Катя любит леденцы. – Бабушка, купи мне **сосатинцы**». – (2г., 5м.), [ДВ: 99].

Следующий тип обнаруживает продуктивность в детской речи у существительных мужского рода с суффиксом -онок/ёнок, имеющих уменьшительно-ласкательное или ласкательное значение: *крадёнок, стеклёнок, чебурёнок*.

«Стеклёнок»: «Он **стеклёнком** порезался». – (5л.,5м.), [ДВ: 101].

Детские инновации с суффиксом -ищ-, наоборот, увеличительное значение.

«Ветища»: «Разжигает костёр в лесу: Вот сухая **ветища!**». – (7л., 3м.), [ССДЯ: 51].

«Ракушищица»: «В некоторых аквариумах лежат большие ракушки – ракушищи!». – (6л., 6м.), [ССДЯ: 99].

Менее продуктивными можно считать образование слов при помощи морфа *-льн(я)*. Данные конструкции называют помещения, предназначенные для производства действия, названного мотивирующим словом.

«Брильня»: «Стас интересуется: Папа, где твоя брильня?». – (4г., 3м.), [ДВ: 19].

«Писальня»: «Что такое читальня? Это там, где читают. А – писальня – там, где пишут?». – (6л., 5м.), [ДВ: 91].

Существительные мужского рода с суффиксом *-ан`-/юн`* называют неодушевлённый предмет, характеризующийся действием, названным мотивирующим словом.

«Брызгань»: «Мы хорошо купались, такую брызгань подняли». – (4г., 5м.), [ДВ: 73].

«Чистюнь»: «Вытер грязную игрушку: Ну, вот ты и чистюнь теперь!» – (3г., 1м.), [ССДЯ: 249].

Необходимо отметить непродуктивную модель образования новых слов с суффиксом *-инк(а)*, выражающих значение «нечто, находящееся между тем, что названо мотивирующим словом» либо характеризующегося разделением, расхождением в разные стороны.

«Провалинка»: «Я наступила туда ножкой (в снег) и раз – провалинка!». – (5л., 7м.), [ДВ: 92].

«Развалинка»: «В деревне у бабушки старенький домик. Приехала городская правнучка: Сяду на развалинку (имеет в виду завалинку)». – (6л., 2м.), [ДВ: 94].

Единичным случаем представлено в нашей работе образование существительного *нырьба* с помощью суффикса *-б(а)*. Данная модель мотивируется глаголом (*нырять - нырьба*).

Префиксально-суффиксальные образования. Сравнительно немногочисленным представляется данный способ образования. Основную

массу префиксально-суффиксальных существительных составляют образования, мотивированных существительными, в отличие от имён обозначающих лицо.

В творчестве детей образования с префиксом *на-* и суффиксом *-ник* называют неодушевлённый предмет, находящийся на том, что названо мотивирующим словом: *наголовник, назубник, намордашник, нашейник*.

«*Наголовник*»: «Шапка». – (3г., 6м.), [ССДЯ: 286].

«*Назубник*»: «Мама с сыном гуляют. Навстречу человек ведёт собаку в наморднике. – Мама, эта собака очень злая – у неё **назубник!**». – (6л., 2м.), [ДВ: 74].

«*Намордашник*»: «Что это у собаки на лице? – хочет знать Коля. – А как ты думаешь? – **Намордашник**». – (5л., 2м.), [ДВ: 75].

Существительные с префиксом *без-* и суффиксом *-к(а)* называют предмет, характеризующийся отсутствием того, что названо мотивирующим словом.

«*Безногавка*»: «Это безрукавка, а это **безногавка**». – (5л.), [ССДЯ: 23].

Интересным представляется создание нового слова *безарбузие*, образованного при помощи префикса *без-* и суффикса *-и|j\-*. Данный окказионализм называет явление, состояние, характеризующееся отсутствием того, что названо мотивирующим словом.

Существительные с нулевым суффиксом

Среди существительных, мотивированных глаголами, отмечены новообразования мужского рода, называющие один акт многократно повторяемого действия: *въех, выех*.

«*Въех, выех*»: «Антон строит гараж и конструктора и произносит: – Вот это – **въех**, а это **выех**». – (5л.), [ДВ: 73].

Подводя итог, отметим, что чисто суффиксальным способом детьми сконструировано 40% словообразовательных инноваций и только 4% слов создано префиксально-суффиксальным способом.

Сложные имена существительные

Общее число имен существительных, образованных сложением, в детской речи не столь велико (по сравнению со сложно-суффиксальными окказионализмами), однако при этом наблюдается значительное богатство как структурных, так и семантических вариантов сложения.

Детские композиты, основанные на компресии, возникли на базе подчинительного сочетания с объектными отношениями: лечение отита – *отитолечение*.

«*Отитолечение*»: «*Полечи и мне уши. У меня отит. **Отитолечение!***».
– (7л.), [ДВ: 86].

Рассмотрим инновации – существительные, образованные сложением с суффиксацией. Своеобразную переходную, но яркую по составу группу между чистым сложением и сложением с суффиксацией составляют сложения, в которых выделяется нулевой суффикс. Как и в кодифицированном языке, в речи детей немало возникает композитов с нулевым суффиксом.

От глагольной основы образованы композиты *зубопад, дождепад*.

«*Зубопад*»: «*О старшем брате: У Вити начался **зубопад***». – (5л., 8м.), [ССДЯ: 177].

В русской грамматике 1980 г. выделяются связанные опорные компоненты сложения. Некоторые из опорных компонентов исследователи склонны считать суффиксоидами. «Наш детский материал не позволяет разделить эту точку зрения. Изобретённые ребёнком слова слишком привязаны к конкретной ситуации, обусловлены ситуацией, что не даёт права говорить об ослаблении семантики опорного, особенно глагольного компонента» [Харченко 1999: 29].

Опорные компоненты подсказаны ситуацией речи: *теплогрей, дверемой, яморой, супоед, ветролет, медведав и др.*

«Супоед»: *«Давай есть суп наперегонки, предложил папа. Ага, сказал Дима, - ты такой шустрый супоед, что тебя не перегонишь!»*. – (5л., 9м), [ДВ: 93].

«Теплогрей»: *«Бабушка, – просит Надя, – свяжи мне теплогрей (свитер)»*. – (4г., 9м.), [ДВ: 88].

«Яморой»: *«Карина увидела, как работает экскаватор и говорит: У нас во дворе яморой работает»*. – (3г., 11м.), [ДВ: 100].

Перейдём к рассмотрению сложных окказионализмов с материально выраженным суффиксом. Из всех детских словотворческих конструкций суффиксально-сложные представляют собой абсолютное большинство инноваций в речи ребёнка. Такое количественное преобладание на первый взгляд представляется достаточно странным при сложности словообразовательной модели, но, по всей видимости, модель сложно-суффиксальных номинаций настолько свойственная языку, что и в детской речи таких слов намного больше, чем примеров чистого сложения.

Рассмотрим новообразования, созданные детьми сложносуффиксальным способом.

Наиболее продуктивные суффиксы: *-тель-*: *картошкособиратель, постелевзбиватель, снежинкособиратель, снегоходитель*.

«Снежинкособиратель»: *«Ловит руками снежинки: Я снежинкособиратель»*. – (6л., 2м.), [ССДЯ: 150].

Обилие проекций на самого себя, значимость своего действия в характеристике ситуаций свидетельствует о желании ребёнка занять в ролевом обществе определённое место. Не случайно опорным компонентом детских композитов являются чаще всего глагольные основы: *-собиратель, -проситель, -ходитель и др.*

Суффикс *-ец-*: *бордюроходец, краснописец, плоскозубец, хорошописец*.

«Бордюроходец»: *«Подожди бордюроходца!»*. – (8л., 2м.), [ССДЯ: 34].

Грамматическими прототипами первой основы в сложных словах выступают:

а) имена существительные: *зуб, картошка, масло, постель, снег, снежинка и др.*

б) глаголы: *мыть (моепосудник).*

В качестве первых основ сложно-суффиксальных образований значительно чаще выступают имена существительные.

-к-: терпиминутка, пылесоска, белобровка.

«Белобровка»: «Ага, вы все темнобровка, а я **белобровка**». – (бл.. 8м.), [ССДЯ: 24].

-лк-: зубозабивалка, маслосчищалка.

«Зубозабивалка»: «За обедом: Это не мясо, а **зубозабивалка!**». – (бл., 3м.), [ССДЯ: 177].

-ник-: блинопечник, самолетник, моепосудник.

-щик-/щиц-: скороговорщица.

«Скороговорщица»: «Лена говорит своей подруге: - Ты быстрая **скороговорщица**». – (8л.), [ДВ:96].

Количественный анализ материала показывает, что к 5-6 годам ребёнок интуитивно использует в словотворчестве как более продуктивные суффиксы, так и менее продуктивные суффиксы. Инструментарий суффиксов в речи детей достаточно разнообразен.

Междусловные наложения

К нетрадиционным окказиональным способам словообразования относят междусловное наложение, или контаминацию.

«Полным описанием системы способов словообразования следует считать, – подчёркивает И.С. Улуханов, – описание не только существующих в узуальной лексике видов словообразовательных структур слов, но и выявление всех словообразовательных возможностей русского языка, которые теоретически предсказуемы, но не реализованы в узуальной лексике» [Улуханов 1996: 26].

Междусловное наложение состоит в том, что на конец основы одного слова накладывается начало другого слова. В таких окказионализмах морфологическое значение слова и его линейное членение затемнено. Рассмотрим примеры: наложение целого слова на усечённую часть другого слова:

арбузыня = арбуз + дыня.

«Я люблю **арбузыню** кушать». – (3г., 5 м.), [ДВ: 9].

громния = гром + молния.

«Тут засверкала **громния**». – (4 г., 3м.), [ДВ: 16].

питанция = питание + квитанция

«Квитанцию за питание в детском саду передали с Олежкой: - Мама, возьми **питанцию**». – (4 г., 3м.), [ДВ: 46].

дусики = дуть + усики

«У нашего котёнка **дусики**». – (3 г., 3м.), [ДВ: 19].

длиннейка = длинная + линейка.

«Мама, дай мне **длиннейку**». – (6л., 8м.), [ДВ: 16].

А также объединение усеченных основ обоих слов:

смехотворение = смешное + стихотворение.

«У нас в детском саду, – рассказывает Виталик, – был концерт.

*Приезжали артисты и читали **смехотворения!**». – (5л.), [ДВ: 96].*

малипутка = маленькая + лилипутка

«Увидев женщину маленького роста, Коля воскликнул: Мама, смотри: **малипутка!**». – (3г., 3м.), [ДВ: 3].

стеклянда = стеклянная + гирлянда.

«Я хочу, чтобы **стеклянда** на ёлке висела». – (3г., 5м.), [ДВ: 89].

Обобщим полученные результаты в таблице.

Имена существительные, обозначающие лицо

Способ образования	%
суффиксальный	36
префиксально-суффиксальный	8
Всего	44

Имена существительные, обозначающие не-лицо

Способ образования	%
суффиксальный	40
префиксально-суффиксальный	12
префиксальный с нулевым суффиксом	4
Всего	56

2.2. Лексические новообразования – глаголы

Следующей по количеству собранных слов (28%) частью речи является глагол. В глагольном словообразовании представлены следующие способы образования: префиксально-суффиксальный (32%), префиксально-суффиксальный (27%), суффиксальный (21%), префиксальный (7%) и постфиксальный (3%).

Префиксально-суффиксальные глаголы

Большинство глаголов из представленного нами материала представлено этим способом образования. Рассмотрим случаи создания новых слов, мотивированных именами.

Глаголы с префиксом *за-* и суффиксом *-и-* представлены тремя типами.

1) глаголы, мотивированные существительным, имеющими значение «наделить (покрыть, заполнить) тем, что названо мотивирующим существительным (иногда в чрезмерно большом количестве)»: *зацепить, заботинить, заметалить, затратуарить, запожарить*.

2) глаголы, мотивированные существительными, имеющими значение «превратить в то, что названо мотивирующим существительным»: *закл^ючить*
Тип непродуктивный.

3) глаголы, мотивированные прилагательными, имеющими значение наделить «иногда чрезмерно) тем признаком, который назван мотивирующим прилагательным»: *затужить*.

«Заметаллить»: «Превращает беседку в корабль: Приметаллит надо эту доску... Сейчас заметаллю ». – (5л., 3м.), [ССДЯ: 158].

«Затужить»: «Играют в больницу. Дочь лечит папу – пациента: Смотри, как я твою руку затужила». – (4л., 3м.), [ССДЯ: 159].

Глаголы с префиксом *на-* и суффиксом *-и-* представлены следующей группой слов: *нагорячить, нагрязнить, намедить*.

«Намедить»: «Мама, с досадой говорит Федя, - зачем ты **намедила** хлеб». – (6л., 3м.), [ДВ: 46].

Глаголы с префиксом *пере-* и суффиксом *-и-*, мотивированные прилагательными, имеют значение «чрезмерно наделить признаком»: *перекраснить*.

Глаголы с префиксом *по-* и суффиксом *-и-* имеют значение «наделить в большей степени»: *погармонить, пометанить, поукропить*.

«Поукропить»: «**Поукропьте** мне суп, - просит пятилетняя Арина». – (5 г., 1м.), [ДВ: 77].

Глаголы с префиксом *при-* и суффиксом *-и-*, мотивированные существительными, имеют значение «приблизить»: *пригвоздить*.

Глаголы с префиксом *про-* и суффиксом *-и-* обладают значением «наделить (пропитать) тем, что названо мотивирующим существительным»: *промазутить, прошампунить*.

«Прошампунить»: «В ванне: Я ещё коленку **прошампуню** ». – (4г., 3м.), [ССДЯ: 58].

Достаточно широко представлены глаголы с префиксом *раз-/рас-* и суффиксом *-и-*, мотивированные именами: *Раззубить, распакетить,*

раздырить – имеют значение «раскрыть, разъединить, измельчить или выделить признаком - *распонять*».

«*Раздырить*»: «Бабушка рот **раздырила**» – (5л.), [ССДЯ: 95]. Сравнительно небольшое число глаголов с префиксом *о-* и суффиксом *-е-* мотивированных именами и имеющими значение «приобрести признак»: *осыреть, оживеть, опанеть*.

«*Осыреть*»: «Почему у нас кофе *осырел!*». – (4г., 7м.), [ССДЯ: 33].

Среди новообразований можно выделить:

- глаголы с префиксом *за-* и суффиксом *-а-*: *защекать*;
- глаголы с префиксом *за-* и суффиксом *-ива-*: *закудривать*;
- глаголы с префиксом *на-* и суффиксом *-ыва-*: *напитывать*.

«*Закудривать*»: «Миша спрашивает сестру старшую: *А ты волосы **закудривать** будешь?*». – (6л.), [ДВ: 76].

Префиксально-постфиксальные глаголы

Самую многочисленную группу составляют новые слова с префиксом *на-* и постфиксом *-ся*. Данные глаголы имеют значение «совершить действие в достаточной степени или в избытке; дойти до состояния удовлетворения или пресыщения в результате длительного и интенсивного действия»: *набензиниться, насмехотаться, насочиться, накрокодниться, накатиться*.

«*Набензиниться*»: «Коля рассказывает своей бабушке: *Папа **набензинился**, мама **набазарилась** и мы теперь едем на дачу!*». – (5л., 3м.), [ДВ: 46].

«*Накатиться*»: «Я уже **накатился!**». – (4г., 7м.), [ССДЯ: 290]

«*Накрокодниться*»: «Узнав, что крокодил поедает разных зверушек, бросила на пол свою резиновую игрушку и заявила: ***Накрокодилилась я!***». – (5л., 3м.), [ДВ: 95].

Глаголы с префиксом *у-* и постфиксом *-ся* имеют значение «дойти до нежелательного состояния (крайней усталости, бессилия, истощенности) в

процессе длительного или интенсивного действия: *угуляться, удобриться, устригаться, упушниться*.

«Устригаться»: «Мальчик лет пяти, вспотевший, выдит из парикмахерской и, одуваясь, говорит: Ну и **устригся** я!». – (5л., 3м.), [ДВ: 46].

Глаголы с префиксом *за-* и постфиксом *-ся* имеют значение «в течение длительного и чрезмерно длительного времени совершая действие, названное мотивирующим глаголом, целиком погрузиться в это действие, увлечься, утомиться»: *загариваться, заболеться*.

«Затанцеваться»: «А что она (Золушка) **затанцевалась**, что туфель потеряла?» – (8л., 1м.), [ССДЯ: 166]

Глаголы с префиксом *вы-* и постфиксом *-ся* имеют значение «за длительное время, полностью совершить действие; иногда так же приобрести или утратить какие-нибудь свойства в результате этого действия»: *выпальтиться, вымокриться, вытесняться*.

«Вымокриться»: «Как мы пойдём домой в дождь? Я весь **вымокрюсь**». – (5л., 3м.), [ДВ: 17].

Глаголы с префиксом *об-* и постфиксом *-ся* обозначают действие, совершенное с излишней интенсивностью: *обсиниться, обоспаться, обмолочиться*.

«Обсиниться»: «Испачкав, синей краской, руку, Игорёк с досадой сказал: **Обсинился**». – (7л., 1м.), [ДВ: 96].

Глаголы с префиксом *от-* и постфиксом *-ся* имеют значение «окончить длившееся определённое время действие»: *отлуниться, отземлиться*.

«Отлуниться»: «О космонавтах, побывавших на Луне, Алёша спросил: Они уже **отлунились**?» – (5л., 1м.), [ДС: 46].

Глаголы с префиксом *при-* и постфиксом *-ся* со значением «приспособиться, привыкнуть либо слегка испугаться»: *прицветочиться, припугаться*.

«Прицветочиться»: «Ты только посмотри, какая бабочка **прицветочилась**» – (3г., 3м.), [ДС: 66].

Глаголы с префиксом *раз-* и постфиксом *-ся* со значением направиться в разные стороны, распространиться, разъединиться»: *разбаниться, раскоситься, разботиниться*.

«Разботиниться»: «Я уже **разботинилась!**» – (4г.), [ССДЯ: 92].

Глаголы с префиксом *с-* и постфиксом *-ся* представлены словами со значением «дойти до нежелательного состояния, негодности»: *струхлявиться*.

«Струхлявиться»: «Гуляют в саду. Наташа произносит: **Пень струхлявился**». – (7л., 7м.), [ССДЯ: 91].

Суффиксальные глаголы

В детской речи подобного рода слова немногочисленны.

Глаголы, мотивированные именами, представлены следующими суффиксами:

-и-: *банкотить, гусить, гармонить, гитаристить, дирижурить, дрелить, колючить, конячить, пчелить, пистолетить, тракторестить, удобить*. Данные глаголы имеют значение «совершать действия, свойственные тому, кто(что) назван (о) мотивирующим существительным»;

-ова-: *весновать, лаковать*. Они мотивированы существительными и означают действия, со значением «наделять чем-либо, что названо мотивирующим словом»;

«Лаковать»: «Дом *лакуют*». – (6л.), [ССДЯ: 236].

-е- : *веснеть, пряметь, длиннеть*, мотивированные именами, имеют значение «приобретать признаки»;

«Длиннеть»: «Прошёл дождь. На дороге много дождевых червей. Ваня говорит: **Червяки всё длиннеют и длиннеют**». – (4г., 3м.), [ДС: 16].

-а- : *мамакать*, мотивированные существительными, в значении «звать кого либо»

«Мамакать»: «Мама! Я – **мамакаю!**». – (3г., 1м.), [ССДЯ: 255].

-нича-: *царевичать*. Данный глагол, мотивированный существительным, означает занятия, поступки, имеющие отношения к тому, что названо мотивирующим словом.

«Царевичать»: «Кирилл придумал сказку:...и **царевичал** он всю жизнь...». – (5л., 7м.), [ССДЯ: 298].

Постфиксальные глаголы

Большая часть глаголов с постфиксом *-ся/-сь* мотивируются переходными глаголами: *наградить – наградиться, искать – искатьсь*.

«Искаться»: «Мама играла с Кариной в прятки. У Карины не получалось найти маму и говорит ей: Я не хочу тебя искать, **искайся** сама!» – (3г., 3м.), [ДС: 28].

Постфиксальные глаголы непереходны: *клубочиться, мяукнуться, ночеваться, тучиться*.

«Клубочиться»: «Наш котёнок **клубочится** совсем как ёжик». – (3г., 3м.), [ДС: 66].

Перечисленные словообразовательные модели означают «косвенно-возвратное», называют действие, совершаемое субъектом в своих интересах: «взаимно-возвратное», совместное, направленное друг на друга; «активно-безобъектное» значение, называющее характерную, отличительную черту субъекта.

Префиксальные глаголы

Немногочисленную группу составляют слова, созданные с помощью префикса. Чаще всего префиксальные образования относятся к совершенному виду и мотивируются глаголами несовершенного вида.

Префикс *из-/ис-*: *издырывать, израсти, исторопить*. Эти глаголы имеют значение «интенсивно совершать действие».

Такой же семантикой обладают конструкции с префиксом *от-* и *раз-*: *отпрятать, отпомнить, растоптать*.

«*Израсти*»: «Сколько тебе лет? - спрашивает соседка – бабушка мальчика. – Шесть. Но мне и семь будет! – А мне уже не будет, к сожалению! – Правильно, Вы же уже **израсти**». – (3г., 8м.), [ДС: 24].

Префикс *недо-* имеет значение «не полностью совершить действие: *недодрессировать*».

«*Недодрессировать*»: «У Марины есть собака. Когда к ней пришла подруга, то она начала показывать, что её собака умеет и какие команды выполняет. Но собака её не слушалась. И тогда Марина сказала – Я её **недодрессировала!**» – (4г., 5м.), [ДС: 53].

Префикс *с-* обладает значением « доставить из разных мест в одно, соединить с помощью действия»: *скричать*».

«*Скричать*»: «Птица **скричала** своих птенчиков». – (3г., 3м.), [ДС: 43].

Глагольные композиты

Сложные глаголы – немногочисленная группа лексических новообразований в детской речи. Она составляет всего лишь 7% от общего числа инноваций созданными детьми.

Надедоморозиться – данный глагол образован на основе устойчивого наименования *Дед Мороз* при помощи сложения, префиксации, суффиксации и постфиксации.

Сложный глагол *посамоиграться* создан при помощи пятиступенчатой комбинации. Почти таким же способом образован глагол *замалосолиться*: в результате сложения, десуффиксации, суффиксации, префиксации и постфиксации.

«*Надедоморозиться*»: «Наш физрук на трёх утренниках был *Дедом Морозом*. Вот он навесилился, **надедоморозился**». – (6л.), [ССДЯ: 287].

«*Наводопоиться*»: «Откуда гонят лошадей? – Спрашивает Серёжа. С водопоя. Они уже **наводопоились!**». – (6л., 6м.), [ДС: 49].

Следующие два новых слова представляют собой пример суффиксального способа образования: *мясорубить*, *паровозить*.

«Мясорубить»: «Семья Тани приобрели новую мясорубку. И девочке не терпится скорее посмотреть на неё в работе и спрашивает у мамы: Мама, когда мы будем *мясорубить*?». – (4г., 3м.), [ДС: 53].

При создании сложного глагольного новообразования номинируется иногда целая ситуация. Вместо того, чтобы просто сказать «переждём дождь», ребёнок создаёт глагольный композит: *передождём!*

Таким образом, «наименование глаголом является специфическим видом лексической номинации, при котором в названии фиксируются и закрепляются разные понятийные признаки, многообразные ракурсы связей глагольного действия с предметами и лицами, производящими эти действия или подверженные им» [Журавлев 1982: 69].

В таблице представлено количественное соотношение глагольных детских новообразований:

Способ образования	%
префиксально-суффиксальный	32
префиксально-постсуффиксальный	27
суффиксальный	21
префиксальный	7
постфиксальный	6
глагольные композиты	7

2.3. Лексические новообразования – имена прилагательные

Прилагательные, как правило, поздно усваиваются ребёнком. Поэтому новообразований прилагательных в детской речи отмечено всего лишь 18 %. Самый распространённый способ создания детьми новых слов – это суффиксальный.

Суффиксальные прилагательные

Чаще других в детской речи встречаются прилагательные с суффиксом *-н-*: *барбиный, ветерный, принцесский, продуктный, тапный, хатный.*

«**Тапный**»: «Собирает тапки у всех членов семьи. – Илюша, зачем тебе тапочки? – Машину **тапную** делать». – (3г., 4м.), [ССДЯ: 178].

Суффикс *-ое/-ев-*: *папаево*; образования притяжательного типа склонения имеют значение «принадлежавший тому, кто назван мотивирующим словом».

«**Папаево**»: «О, это ведь Мамаево побоище! – воскликнул папа. Петя спросил: А **папаево** тоже было?». – (3г., 3м.), [ДС: 56].

Суффикс *-ин/-ын*: *ёлкин, комнатин, коровкин*. Детские окказионализмы имеют тоже значение, что и в предыдущем случае.

«**Комнатын**»: «Папа пришёл домой с работы усталый, Даша несёт ему тапки: Вот тебе **комнатыны** туфли!» – (3г., 8м.), [ДС: 38].

Прилагательные с суффиксом *-ий* имеют значение «свойственный, присущий тому, кто назван мотивирующим словом»: *гусий, червячий*.

«**Гусий**»: «У меня гусья кожа сделалась». – (5л., 3м.), [ДС: 13].

Прилагательные с суффиксом *-ов/-ев-* имеют аналогичное значение: *волковый, ежиковый, ноговой*.

«**Ёжиковый**»: «У папы колючий подбородок. – Зачем ты такой **ёжиковый**?». – (3г.), [ССДЯ: 141].

Прилагательные с суффиксом, представленным морфами *-ск-, -ическ-, -ое-, -овск-*, обладают подобным значением: *балерический, грязиновый, иностранский, пилотовский, спрайтовский*.

«**Пилотовский**»: «Надев пилотку, Миша с гордостью всем объявил: – Это моя **пилотовская** шапка!». – (7л., 1м.), [ДС: 87].

Прилагательные с суффиксом *-очн/-ечн-*; *вилочный, ложечный, палочный, сырочный, шишечный*.

«**Сырочный**»: «Проходя мимо магазина с вывеской «Сыр», Оля спросила маму: Это **сырочный** магазин?». – (7л., 4м.), [ДВ: 18].

К малопродуктивным тапам можно отнести имена прилагательные с суффиксами *-озн-* и *ительн-/ательн-*, а также с суффиксами *-онн-* и *-инн-*: *хрипозный, упражнительный, духательный, молоконный, детишный*.

«Упражнительный»: «Тома ищет что-то на своём столе. – Что ты ищешь? – спросила мама её. – Свою **упражнительную тетрадь**». – (5л., 4м.), [ДВ: 98].

Среди непродуктивных моделей образования можно отметить создание детьми прилагательных при помощи суффикса *-енн-*: *насморканный, довольственный*.

«Удовольственный»: «Зоя, где бабушка? – Ушла в **удовольственный магазин**». – (3г., 4м.), [ДВ: 78].

Необходимо рассмотреть случаи образования имен прилагательных, мотивированных глаголами.

-уч-: *дракучий, деручий, жужучий, оручий*.

«Дракучий»: «О собаке: Наш Джоня самый **дракучий**». – (5л., 4м.), [ССДЯ: 130]

-лив-: *толкливый*.

«Толкливый»: «В автобусе ребёнок капризничает: Не хочу здесь ехать, тут **толкливые** люди!».

-енн-: *злённый*.

«Злённый»: «Артём, не зли меня! – говорит мама. – Я сегодня тоже **злённый!**». – (4г.), [ССДЯ: 41]

Префиксально-суффиксальные прилагательные

Среди прилагательных, созданных этим способом, следует отметить прежде всего, новообразования, мотивированные существительными.

Прилагательные с префиксом *без-* и суффиксом *-н-, -ачн-/ячн-, -ов-/ев-* обозначают «отсутствие того, что названо мотивирующим словом»: *бескнижный, бескухный, бесхалатный, беспальцевый, бесщеничный*.

«Бескухный»: «Рисует: Это у меня бесподвальный и **бескухный** дом ». – (5л., 4м.), [ССДЯ: 26]

«Бесщеничный»: «У нас во дворе бегают бесщеничная собака».

Прилагательные с префиксом *с-* и суффиксом *-ий-, -ое-, -лив-, -н-*: *сгорный, свесловый, сметливый*.

«Сгорный»: «Реки там ледяные, потому что **сгорные**, – Рассказывает о своих впечатлениях Серёжа, побывавший на Кавказе», – (8л., 4м.), [ДВ: 88].

Прилагательные с преффиксом *от-* и суффиксом *-н-* имеют значение «против чего-то либо принадлежавший чему-либо»: *откомарный, отшубный*.

«Отшубный»: «Пуговица является **отшубная**– (5л., 1м.), [ДВ: 83].

Интересным представляется случай тройной префиксации: *не-+на-+с-* и суффикс *-ти-*: *ненасправдашный*.

«Ненасправдашный»: «Павлик, зачем ты обманул свою сестрёнку? – Я не обманывал, она сама поверила **ненасправдашному!**». – (8л., 4м.), [ДС: 71].

Небольшую группу составляют новые слова в речи детей, образованные префиксально суффиксальным способом на основе глаголов.

Прилагательные с преффиксом *со-* и суффиксом *-енн-*: *соскученный*; преффиксом *раз-* и суффиксом *-ивательн-*: *разбуживательный*; преффиксом *за-* и суффиксом *-ательн-*: *зажигательный*; преффиксом *на-* и суффиксом *-енн-*: *наешенный*.

«Разбуживательный»: «Раз будильник сломался, я сам придумаю **разбуживательное устройство!** ». – (6л., 1м.), [ССДЯ: 92].

В собранном нами языковом материале встречается и необычный способ образования, названный депрефиксацией: *брежный, уклюжий, жданный*.

«Брежный»: «Андрей очень **брежный**, – заметила Аня».

Префиксальный способ представлен весьма скудно. Прилагательные с преффиксом *под-*: *подсливочный*, и преффиксом *про-*: *прозвериный*.

«Прозвериный»: «Влад просит маму: Прочитай мне **прозвериную книгу!**». – (5л.), [ССДЯ: 131].

Имена прилагательные-компози́ты

По мере овладения языком интенсивный процесс словотворчества охватывает не только имена существительные, глаголы, но так же имена прилагательные.

Как и в группе существительных, случаев сложения окказиональных прилагательных немного.

*«Лучи **утрофиолетовые**, - говорит мальчик, впервые услышавший об ультрафиолетовых лучах».*

Тематика таких слов разнообразная – «растения», «ребёнок и члены его семьи», «продукты питания».

*«Почему ты со всеми здороваешься? Ты что, всех знаешь? – Да – Ты такая **многознакомая!**».* – (5л., 6м.), [ДС: 51].

О брате: *«Вадик учится в университете, он **многоумный!**».* – (6л., 1м.), [ДС: 51].

О гуляше: *«Я люблю картошку с **заливочномясной** едой.».* – (7л., 3м.), [ДС: 21].

Сложные прилагательные с опорным компонентом, равным самостоятельному слову, достаточно продуктивны в детском словотворчестве: *скоролечащий, старорождённый, самолётный, полутехнический.*

Инновации – прилагательные, образованные сложением с суффиксацией, представляют собой разнообразные тематические группы. Весьма часто инновации «обслуживают» группу «продукты питания», определяя то или иное существительное:

«Зуболомательная»: *«Эта конфета **зуболомательная!**».* – (6л., 6м.), [ДС: 32].

«Скороголовый»: *«Мама, приготовь мне **скороголовый** суп».* – (6л., 8м.), [ДС: 89].

Прилагательные – композиты характеризуют те или иные жизненные ситуации ребёнка и его окружения.

«Ротоврачебная»: «Я не хочу в **ротоврачебную** поликлинику»,». – (5л., 3м.), [ДС: 87].

Детские инновации могут обозначать характеристику машин и погодных явлений».

«Водотушительная»: «Мама, смотри: **водотушительная** машина едет!». – (6л., 6м.), [ДС: 11].

Таким образом обширный состав различных групп свидетельствует о том, что новообразования – прилагательные помогают охарактеризовать самые различные, но актуальные для речевого сознания ребёнка явления действительности, при этом сложносуффиксальные прилагательные содержат максимум информации.

2.4. Лексические новообразования – наречия

В системе словообразования наречий представлены суффиксальный и префиксально-суффиксальный способы. Новообразованные наречия составляют всего 4% от общего числа инноваций. Рассмотрим суффиксальные наречия.

Адвербальные конструкции с суффиксом *-о* совмещают в своём значении свойственное мотивирующему прилагательному значение признака: *балконно, бутербродно, гостинно, карантинно, комнатно, кольно, ручно, скрипно*.

«Бутербродно»: «После дня рождения у друга мама спрашивает Ваню: Тебе понравилось? – да, было очень **бутербродно!**». – (6л.), [ДС: 32].

«Кольно»: «Ой, ты сделал мне **кольно!**». – (5л., 1м.), [ДС: 47].

«Комнатно»: Мне не холодно, не жарко, мне **комнатно**», – (5л., 2м.), [ДС: 48].

Наречие с суффиксом *-ем* мотивированы. Как правило, именами существительными и обозначают внешний признак, характеризующийся отношением к предмету, явлению (способ стрижки): *дыборем*.

Префиксальные наречия также встречаются в собранном нами материале: *послесегодня* – префикс *после-*.

«*Послесегодня*»: «*Дедушка уходит, Андрей спрашивает: - Деда, когда ты придёшь? – Послезавтра. – А ты лучше приходи **послесегодня***». – (5л., 7м.), [ДС: 62].

Единичным случаем представлено наречие, образованное способом редеривации:

«*Чаянно*»: «*Мама разбила чашку. Сын спросил: - Ты это сделала нечаянно или **чаянно!***». – (5л., 8м.), [ДС: 95].

Необходимо отметить префиксально-суффиксальные наречия с префиксом *по-* и суффиксом *-ому/-ему-*, а также суффиксом *-ски*: *по-магазинному*, *по-мяучьему*, *по-балерински*.

«*По-мяучьему*»: «*Бабушка читала Игорю книгу про кошкин дом: - Вот кошка и говорит...- Кошка не говорит, а если говорит, то только **по-мяучьему***», – (5л., 1м.), [ДС: 62].

Наречие с префиксом *в-* и суффиксом *-у-* со значением отвлечённого действия представлено окказионализмом *врастрепку*; *вмногарем* – наречие с префиксом *в-* и суффиксом *-ом* обозначает признак группы лиц в соответствии с количеством.

«*Вмногарем*»: «*Валя спрашивает подружку: Мы вдовоём пойдём гулять или **вмногарем?***». – (7л.), [ДС: 21].

Наречия с префиксом *без-* и суффиксом *-о* обозначает признак по отсутствию чего-либо: *безголовно*, *безвесельно*.

«*Безвесельно*»: «*Лодка разогналась, теперь **безвесельно** плывёт*». – (5л., 6м.), [ДВ: 8].

Адвербальные композиты составляют самую малочисленную в картотеке группу сложных слов.

Начальным компонентом в речи детей довольно часто является компонент *собственно-*:

«Собственноушно»: «У нас утренник в школе не в пятницу, а в четверг. Это я **собственноушно** слышала!» – (8л., 1м.), [ССДЯ: 153].

«Босоного»: «Бабушка, говорит Андрей, - я хочу ходить по травке **босоного**». – (5л.), [ДС: 7].

Первым компонентом детских окказиональных наречий может являться компонент *само-*:

Девочка прыгает на одной ноге. – *Хорошо получается у тебя одноногим **самопрыгом***. – (8л.), [ДС: 61].

В этом проявляется характер моделей с *само-*. Причина создания подобного рода слов – психологическая значимость для детей собственной личности.

Подводя итог, представим процентное соотношение лексических новообразований в детской речи:

Часть речи	%
Имена существительные	50
Глаголы	28
Имена прилагательные	18
наречия	4

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Новообразования в детской речи открывают большие возможности для исследователей. Происхождение и значение каждого слова представляет интерес. Каждое слово содержит громадный потенциал и исключительную новизну. Именно такие слова стали объектом анализа в нашем исследовании, которое посвящено структурно-семантическому анализу лексических новообразований в детской речи. Для анализа были выбраны новые слова, сконструированные детьми в возрасте от 3 до 10 лет включительно.

В результате проведённого исследования мы убедились, что моделирование слов начинается с 3-х лет. Активность образования новых слов приходится на возраст 5-7 лет, а к 10-ти годам это способность постепенно угасает. После 10-ти лет дети образуют новые слова так же часто, как и взрослые носители языка.

Детские лексические новообразования были проанализированы с точки зрения особенностей словопроизводства. В результате структурно-семантического анализа было установлено, что большее число новообразований приходится на имя существительное. Они составляют более 50 % от общего количества анализируемого нами материала. Следующим по количеству новообразований следует глагол, на эту часть речи приходится 30 %. Самую меньшую часть составляют имена прилагательные и наречия – 20 %. Это доказывает тот факт, что имя прилагательное и наречие детьми усваиваются намного позднее.

Анализируя полученный материал, мы выяснили, что преимущественно дети используют суффиксальный способ образования новых слов. На него приходится 50 % созданных слов. Довольно многочисленна группа префиксально-суффиксальных образований. Это, на наш взгляд, объясняется многообразием суффиксов и действием закона аналогии.

Дети старшего возраста конструируют слова, созданные по непродуктивным и малопродуктивным моделям, а также по окказиональным способам. Эта особенность объясняется тем, что ребёнок постепенно усваивает закономерности русского языка и по его законам создаёт свои собственные слова.

Несомненно, что правила, которыми ребёнок руководствуется в своей речевой деятельности, а именно правила конструирования слов, во многом отличаются от правил, которыми организуется речевая деятельность взрослого человека.

Несмотря на индивидуальные различия между детьми, их речевую среду, в которой они развиваются, особенности изучаемого ими языка, общая стратегия усвоения языковых правил является единой: сначала постигаются самые основные, глубинные модели языка и основанные на них языковые правила.

Таким образом, можно сделать вывод, что одна из главных ключевых особенностей речевого онтогенеза состоит в том, что, овладевая системой языка раньше, чем языковой нормой (общими правилами раньше, чем частными правилами и исключениями), ребёнок в своей речевой деятельности, прибегая к деривации, конструирует языковые единицы, правильные относительно системы (отвечающие общим правилам) и при этом расходящиеся с нормой (не соответствующие частным правилам) – и таким образом постоянно заполняет существующие в языке лакуны, как абсолютные, так и относительные.

Значительная часть детских новообразований, при наличии нормативных эквивалентов, отличается от последних в сторону большей регулярности – то есть детские инновации основаны на более строгих пропорциях, чем соответствующие узувальные единицы. Регулярность связана с употреблением стандартных формальных средств и с наличием типовых семантических различий между единицами.

Ещё одно отличие детских лексических новообразований от нормативных эквивалентов – это степень системности либо просто системность. «Понимаем под системностью такой способ формальной маркировки семантических различий между языковыми единицами, при котором используются лишь облигаторные, системно предназначенные для выполнения данной функции средства» [Цейтлин 1089: 73]. Это обстоятельство и обуславливает лингвистическую ценность данного материала.

Систематизировать и анализировать инновации в детской речи сложно. Существует несколько подходов к классификации детских инноваций, в основе которых лежит имитативный принцип и принцип аналогии; усвоение языка по моделям; подражание взрослому и классификация новых слов по экспрессивности. В нашей работе мы брали за основу принципы С.Н. Цейтлин, которая отмечает строгую логичность и системность детских инноваций.

Детскую речь изучают во всём мире. Учёными представлена этапность развития языка в речи детей. Исследователи обращают внимание на то, с какой частотой ребёнок создаёт новые слова, улавливает, дублирует, повторяет слова и значения, которые уже существовали в языке и зафиксированы в исторических словарях.

Детская речь даёт возможность наглядно исследовать соотношение общего и особенного в языке. Хотя некоторые из приведённых нами примеров кажутся уникальными, но нельзя быть уверенным, что то, что сказал один ребёнок, не повторится в речи его сверстников. На примере детской речи может быть глубже истолкован переход количественных изменений в качественные. Дети поставлены в естественные условия незнания языка и на наших глазах преодолевают это незнание.

Овладение языком – это сложный творческий процесс. Но при этом ребёнок с усердием и старанием подражает взрослому в его интонациях, словах, высказываниях. В последние годы в лингвистике начала развиваться

теория речевого воздействия. Её развитию способствует детская речь, которая даёт богатейший материал для её изучения. Но при этом необходимо учитывать, что на поверхность детской речи выносятся лишь частица услышанного и по-своему воспринятого. Каждое новообразованное слово в детской речи уникально с точки зрения структуры и семантики, ценно для истории языка и представляет интересный и богатый материал для исследования.

Литература

1. Аркадьева, Т.Г. Интерпретация внутренней формы слова в детской речи/ Т.Г. Аркадьева. – Детская речь как предмет лингвистического изучения. Межвузовский сборник научных трудов. – Липецк: ЛГПИ, 1987. – 162 с.
2. Бакина, М.А. Словотворчество /Т.Г. Бакина. – Языковые процессы современной русской литературы. Поэзия. – Москва: Наука, 1977. – С. 78-127.
3. Бакина, М.А. Новообразования в современной поэзии/ М.А. Бакина. – Русская речь 1975. – №2. – С.67-64.
4. Бацевич, Ф.С. Процесс неологизации и его влияние на системные отношения в лексике /Ф.С.Бацевич. – РЯШ. – 1981. –№1. – 118 с.
5. Брагина, А.А. Неологизмы в русском языке / А.А. Брагина. – Москва: Наука, 1973. –224с.
6. Бурмистрович, Ю.Я. К проблеме фразеологических неологизмов // Материалы по русско-славянскому языкознанию/ Ю.Я. Бурмистрович. – Воронеж, 1972. – 203 с.
7. Виноградов, В.В. Вопросы современного русского словообразования//Исследования по русской грамматике/ В.В. Виноградов. – Москва: Наука, 1975. – 320 с.
8. Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове/ В.В. Виноградов. – Москва: Высшая школа, – 1972. – 414с.
9. Виноградов, В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Исследования по русской грамматике/ В.В. Виноградов. – Москва: 1975. –371с.

10. Винокур, Г.О. Заметки по русскому словообразованию. В кн.: Винокур Г.О.. Избранные работы по русскому языку. Москва, 1959. – с. 421–441.
11. Габинская, О.А. Типология причин словотворчества/ О.А. Габинская. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1981. – 153 с.
12. Гвоздев, А.Н. Вопросы изучения детской речи/ А.Н. Гвоздев. – Москва: Из-во Академия пед. наук РСФСР, 1961. – 471 с.
13. Гвоздев, А.Н. От первых слов до первого класса: Дневник научных наблюдений. Саратов: Изд – во Саратовского ун-та, 1981. – 323 с.
14. Гвоздев, А.Н. Развитие словарного в первые годы жизни ребёнка. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1990. – 104 с.
15. Головин, Б.Н. Введение в языкознание. – М.: Высшая школа, 1983. - 231 с.
16. Ермакова, О.Г. Лексическое значение производных слов в русском языке. – М.: Знание, 1984. –151с.
17. Журавлёв, А.Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. – М.: Наука, 1982. –296 с.
18. Залевская, А.А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистические исследования. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. -204 с.
19. Земская, Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца 20 столетия. – М.: Наука, 1996. – 220 с.
20. Земская, Е.А. Словообразование как деятельность. – М.: Высшая школа, 1992. –220с.
21. Земская, Е.А. Современный русский язык. Словообразование. –М.: Просвещение, 1973. –304с.
22. Кодухов, В. И. Введение в языкознание. – М.: Просвещение, 1979 – 351 с.

23. Кольцова, М.М. Детское словотворчество // Ребёнок учится говорить. М., 1973 – с. 100.
24. Лейчик, В.М. Как рождаются слова // Наука и жизнь. –1983. – №11. –10 с.
25. Лейчик, В.М. Люди и слова. – М.: Знание, 1982. –177с.
26. Лопатин, В.В. Рождение слова: неологизмы и окказиональные образования. – М.: Наука, 1973. –152с.
27. Лопатин, В.В., Улуханов И.О. О старом и новом слове // Наша речь. – М.: Знание, 1965. –112с.
28. Лопатин, В.В. Русская словообразовательная морфемика. – М.:Наука, 1977. – 315 с.
29. Лыков, А.Г. Современная лексикология (русское окказиональное слово). Учебн. пособие для филол. фак. Ун-тов. – М.: Высшая школа, 1976. - 120 с.
30. Милославский, И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. –М.: Изд-во МГУ, 1980. –293с.
31. Новиков, Л.А. Семантика русского языка. – М.: Высшая школа, 1982. –272с.
32. Петровский, М.С. Книга о К. Чуковском. – М.: Советский писатель. 1966. – 415 с.
33. Плотникова, Л.И. Новое слово: порождение, функционирование, узуализация: Монография. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2000. – 208 с.
34. Плотникова, Л.И. Процесс порождения нового слова в условиях коммуникации // Язык. Система. Личность / Материалы Международной научной конференции. – Екатеринбург, 1998. – С.124-128.
35. Плотникова, Л.И. Современная культура и новые слова в языке // Социально-исторические и духовные основы российской культуры / Материалы Российской международной научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава и молодых учёных. – Белгород, 1998. –С.157-161.

36. Радзиховская, В.К. Об изучении детской речи// Дошкольное воспитание. – 1969. -№8. С. 73-77
37. Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.-180 с.
38. Сахарный, Л.В. К тайнам мысли и слова. –М.: Просвещение, 1983. – 159с.
39. Серебренников, Б.А. Об относительной самостоятельности развития системы языка. – М.: Наука, 1968. –127с.
40. Современный русский язык. Словообразование. Под ред. Н.М. Шанского. – М.: Просвещение, 1987. – 254 с.
41. Улуханов, И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания. –М.: Наука, 1977. –256с.
42. Улуханов, И.С. Смысл и значение в словообразовании // РЯШ. – 1992. –№2. –С.21-23.
43. Ханпира, Э. Окказиональные элементы в современной речи //Стилистические исследования. – М, 1972. -317с.
44. Харченко, В.К., Озерова Е.Г. Сложные слова в детской речи. Монография. – Белгород: Изд-во Белгородского гос. ун-та , 1999. – 159 с.
45. Цейтлин, С.Н. Инновации как продукт речевой деятельности ребёнка// Детская речь: проблемы и наблюдения. – Л.: ЛГПИ, 1989. – 159 с.
46. Цейтлин,С.Н. Язык и ребёнок: Лингвистика детской речи. – М.:Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 2000. – 240 с.
47. Чуковский, К.И. От двух до пяти. – М.: Педагогика, 1990. -384 с.
48. Фельдман, Н.И. Окказиональные слова и лексикография// вопросы языкознания. – 1957. – №4. – С. 64-73.
49. Шанский, Н.М, Тихонов А.Н. Современный русский язык. Словообразование. Морфология. В 3 ч. Ч 2. – 2 изд., испр. и доп. – Москва: Просвещение, – 1987. – 256 с.
50. Шанский, Н.В. Очерки по русскому словообразованию/Н.В. Шанский. – Москва: МГУ, 1968. –310 с.

51. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность/ Л.В. Щерба. – Ленинград: Наука, 1974. – 428 с.

52. Янценецкая, М.Н. Семантические вопросы теории словообразования/ М.Н. Янценецкая. – Томск, 1979. –272с.

Словари и справочники

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. – Москва 1966. –607с.

2. Большой энциклопедический словарь языкознания. Гл. ред. В.Н. Ярцева. – Москва: Научное изд-во БРЭ, 1998. – 685 с.

3. Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. Ред. В.Н. Ярцева. – Мочква: Сов. Энциклопедия, 1990, – 682 с.

4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд. – Москва: Азбуковник, 1999. – 944 с.

5. Розенталь, Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Москва: Просвещение, 1976. –543с.

6. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х т. – Москва: Русский язык, 1985. т.1 –855с., т.2 –887с.

7. Харченко, В.К. Словарь детской речи. Белгород: Изд-во Белгородского гос. пед. ин-та, 1994. – 256 с.

8. Харченко, В.К. Словарь современного детского языка. В 2-х томах. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2002.

